

А. Ф.
ПИСЕМСКИЙ

Избранное

Алексей Феофилактович Писемский

Ваал

«Клеопатра Сергеевна и Евгения Николаевна; обе красивые молодые женщины. Клеопатра Сергеевна, видимо, собиралась куда-то ехать и была уже в шляпке; но, заинтересованная словами своей подруги, приостановилась ненадолго и, смотрясь будто бы в зеркало, слушает ее; а Евгения Николаевна сидит в кресле.

Евгения Николаевна. Как тебе угодно, но в этом ты никого не уверишь....»

Содержание

Действующие лица	0006
Действие первое	0007
#1	0007
Явление I	0007
Явление II	0017
Явление III	0019
Явление IV	0031
Явление V	0032
Действие второе	0041
#1	0041
Явление I	0041
Явление II	0048
Явление III	0050
Явление IV	0051
Явление V	0058
Явление VI	0067
Действие третье	0076
#1	0076
Явление I	0076
Явление II	0077
Явление III	0081
Явление IV	0082
Явление V	0091
Явление VI	0094
Явление VII	0095

Явление VIII	.0102
Явление IX	.0108
Явление X	.0110
Явление XI	.0114
Явление XII	.0115
Действие четвертое	.0117
#1	.0117
Явление I	.0117
Явление II	.0119
Явление III	.0120
Явление IV	.0127
Явление V	.0128
Явление VI	.0141
Явление VII	.0142
Явление VIII	.0148
Явление IX	.0152
Явление X	.0158
Примечания	.0159

**Алексей Феофилактович
Писемский
Ваал**

Драма в четырех действиях

*И крадете, и убиваете,
и клянетесь лживо, и жрете Ваалу.
Иеремия, 7, 9.*

Действующие лица

Бургмейер, Александр Григорьевич, богатый
коммерсант.

Клеопатра Сергеевна, жена его.

Мирович, Вячеслав Михайлович, депутат
от земства.

Куницын, Петр Федорович, вольнопракти-
кующий адвокат.

Толоконников, Измаил Константинович,
техник-строитель.

Самахан, Авдей Игафраксович, известный
врач.

Руфин, Симха Рувимыч, еврей.

Евгения Николаевна Трехголовова, моло-
дая вдова.

Татьяна, кухарка.

Лакеи.

Действие первое

Роскошно убранный, огромный мужской кабинет; в нем малахитовый камин с большим зеркалом; на стенах подлинные Ван-Дик и Рубенс.

Явление I

Клеопатра Сергеевна и Евгения Николаевна; обе красивые молодые женщины. Клеопатра Сергеевна, видимо, собиралась куда-то ехать и была уже в шляпке; но, заинтересованная словами своей подруги, приостановилась ненадолго и, смотрясь будто бы в зеркало, слушает ее; а Евгения Николаевна сидит в кресле.

Евгения Николаевна. Как тебе угодно, но в этом ты никого не уверишь.

Клеопатра Сергеевна *(обертываясь к ней)*. В чем мне и кого уверять?

Евгения Николаевна. В том, что будто бы ты ничего не видела и не понимала, что Минович в тебя влюблен до безумия!

Клеопатра Сергеевна *(покраснев несколько)*

ко в лице). Я вовсе этого не говорю!.. Я очень хорошо это видела и понимала; но что ж из того?

Евгения Николаевна. А то, что неужели, по крайней мере, ты жалости не чувствуешь к нему, или, лучше сказать, неужели тебе не совестно против него?

Клеопатра Сергеевна (с удивлением). Почему же мне может быть совестно против него? Я с ним не кокетничала, я его не завлекала.

Евгения Николаевна (устремляя внимательно на приятельницу свои пронизательные глаза). Ты не кокетничала?.. Ты?.. Клеопаша!.. Ты можешь все говорить, все, только не это!..

Клеопатра Сергеевна (несколько сконфуженная этими словами). Напротив, кажется, я очень смело могу говорить это.

Евгения Николаевна (прищуривая уже свои глаза и снова устремляя их на приятельницу). А эти прогулки на даче вдвоем?.. А эти игранья в табельку по целым вечерам? Какая страстная картежница вдруг сделалась!.. Это что же такое?

Клеопатра Сергеевна (*еще более конфузясь*). Вначале я действительно несколько неосторожно себя с ним держала; но мне просто было приятно его общество: он тут умней всех, собой красив, образованный, светский человек!.. Я полагала, что между нами может существовать дружба; но, разумеется, как только заметила, что в нем зарождается совершенно иное чувство ко мне, я спрятала все в своей душе и стала с ним в самые холодные, светские отношения.

Евгения Николаевна (*с иронической улыбкой и пожимая плечами*). И зачем ты это делаешь? Для кого и для чего?

Клеопатра Сергеевна (*снова с удивлением*). Как для кого и для чего? Неужели ты, Жени, этого не понимаешь?

Евгения Николаевна (*опять пожимая плечами*). Нет, не понимаю!

Клеопатра Сергеевна. Не понимаешь того, что я замужняя женщина, что я люблю моего мужа, что муж мой любит меня и что мне, по всему этому, было бы очень глупо, смешно и, наконец, нечестно позволить себе увлечься почти мальчиком, с которым у меня никогда

не может быть ничего серьезного!

Евгения Николаевна (*усмехаясь злою улыбкой*). Во всех этих словах твоих, Клеопаша, что ни слово, то неправда. Ты говоришь: «любишь мужа». Так ли ты выразилась? Ты его уважаешь – это так! И он совершенно достоин того!..

Клеопатра Сергеевна. Но каким же образом ты знаешь мое чувство к мужу: любовь ли это, или одно уважение?

Евгения Николаевна. Таким, что тебе двадцать пять лет, а мужу твоему сорок пять лет; но, при такой разнице в годах, вряд ли женщине естественно питать к мужчине какую-нибудь особенно уж пламенную страсть, и у вас, я думаю, стремления даже совершенно разные: тебе, вероятно, иногда хочется поболтать, понежничать, поминдальничать, а почтеннейший Александр Григорьевич, как я его ни уважаю, но совершенно убеждена, что он вовсе не склонен к этому.

Клеопатра Сергеевна. Что ж из того, что он не склонен к тому? Я вовсе его люблю не за это, а за то, что он меня любит!

Евгения Николаевна (*с сильным ударени-*

ем на первом слове). Н-ну, любит!

Клеопатра Сергеевна. Что это за восклицание: «ну»?

Евгения Николаевна. Восклицание, что мне один очень умный и пожилой господин, много живший на свете, говорил, что он не знавал еще ни одного брака, в котором муж оставался бы верен своей жене более пяти лет; а вы уж, кажется, женаты лет восемь.

Клеопатра Сергеевна (с некоторым негодованием). Нет, твой пожилой господин немножко ошибается: Александр мне верен и до сих пор!

Евгения Николаевна (пожимая плечами). Блажен, кто верует, тепло тому на свете! Господи, как мы иногда, женщины, в этом случае бываем слепы: муж мой, с которым я прожила всего три года, который, как сама ты видела, любил меня до безумия; но при всем том, когда он умер, я имела неудовольствие узнать, что моя хорошенькая горничная была в некоторые минуты предметом его страсти.

Клеопатра Сергеевна. Но что, однако, Жени, ты хочешь всем этим сказать: что муж мой не любит меня и тоже изменяет мне?

Евгения Николаевна. Нисколько я не хочу этим ничего сказать, а так только мы рассуждаем вообще.

Клеопатра Сергеевна. Странные рассуждения! По любви твоей ко мне, я думаю, что если что-нибудь знаешь про мужа, так должна была бы не обиняками, а прямо и откровенно мне все сказать, – вот как бы я поступила в отношении тебя...

Евгения Николаевна. Но что же я могу сказать, когда я сама ничего не знаю?

Клеопатра Сергеевна. Тогда к чему же все эти разговоры, которые все-таки меня тревожат и которые ты вот уже несколько раз начинаешь?

Евгения Николаевна (*порывисто вставая с кресла и с каким-то даже азартом*). Я начинаю, потому что Мирович меня просил об этом!

Клеопатра Сергеевна (*снова с удивлением*). С какой же стати Мировичу было просить тебя? И что за дружба такая между вами вдруг началась?

Евгения Николаевна. Не дружба, но помилуй: я почти каждый день видала его у вас, и

не мудро, что давно уже смеюсь ему насчет этого, а вот это как-то на днях встретила его на даче и выспросила у него все.

Клеопатра Сергеевна (*недовольным и сконфуженным тоном*). И что же он тебе рассказал?

Евгения Николаевна. Рассказал, что он делал тебе признание в любви, – делал ведь?

Клеопатра Сергеевна (*с волнением*). Делал, к сожалению.

Евгения Николаевна. И что ты совершенно его отвергнула.

Клеопатра Сергеевна (*как бы усмехаясь*). Разумеется, конечно! Знаешь, Жени, какая это у тебя отвратительная привычка про всех все выведывать!

Евгения Николаевна. Почему же отвратительная? Напротив, очень приятно это.

Клеопатра Сергеевна. Только уж никак не для тех, про кого ты выведываешь.

Евгения Николаевна. Что же тем-то?

Клеопатра Сергеевна. То, что кому же приятно, чтобы его тайну, какая бы она пустая ни была, знали другие; тайна до тех пор только и тайна, пока ее никто не знает.

Евгения Николаевна. Что ж ты думаешь, я буду рассказывать, что мне говорил Миrowsич?

Клеопатра Сергеевна. Очень вероятно, что и расскажешь: ни одна женщина в этом случае не поручится за себя, хоть тут и рассказывать особенно нечего.

Евгения Николаевна. Если бы даже и было что, так, будь уверена, все бы во мне умерло. Я никак уж не сплетница! Слыхала ли ты, чтобы я про кого бы то ни было говорила что-нибудь дурное?

Клеопатра Сергеевна. Говорить ты, может быть, не говоришь, но зато сама-то с собою очень много дурного думаешь о других и уж охотница всех и во всем подозревать!.. Отчего вот я нисколько не интересуюсь и никого не спрашиваю: ухаживает ли кто за тобой или нет?.. Сама ты любишь ли кого?..

Евгения Николаевна (*перебивая ее*). Ах, пожалуйста, спрашивайте и узнавайте! Я не рассержусь на это. Я вдова, а потому мне все позволительно. Я спросила Миrowsича просто из жалости к нему, потому что последний раз, как я его видела, он был совершенно ка-

кой-то потерянный и в отчаянии теперь отмысли, что не рассердилась ли ты на него очень за его объяснение?

Клеопатра Сергеевна. Рассердиться я не рассердилась, а больше была бы довольна, если б он не делал мне его.

Евгения Николаевна. А бывать у вас в доме может ли он после этого?

Клеопатра Сергеевна (*усмехаясь и вместе с тем краснея в лице*). Конечно, я тоже бы больше желала, чтобы он не бывал у нас; но все-таки не считаю себя вправе запретить ему это.

Евгения Николаевна. Но мужу ты не говорила об этом объяснении?

Клеопатра Сергеевна. Зачем же я мужу стану говорить обо всяком вздоре?.. Только ты, пожалуйста, предуведомь Мировича, что я буду с ним крайне осторожна и совершенно холодна.

Евгения Николаевна. О боже мой! Он ничего не надеется и ничего не ожидает! Ему бы хоть только молча и издали любоваться на свое жестокое божество!

Клеопатра Сергеевна (*с притворной на-*

смешкой). Может, если ему это не скучно, «любоваться издали на свое жестокое боже-ство!..» *(Начиная надевать перчатки.)* Однако прощай!.. Мне пора ехать с визитами. Ты по-дождешь Александра Григорьича?

Евгения Николаевна. Да, мне нужно спросить его об одном моем деле.

Клеопатра Сергеевна *(идет к дверям, но на полдороге приостанавливается и, грозя пальчиком, говорит подруге)*. А об муже мне, я тебя прошу, не внушай никогда никаких по-дозрений. Я мнительна и самолюбива!.. Я в отношении его сделаюсь совершенно иною женщиной, если он мне изменит.

Евгения Николаевна. Хорошо, хорошо, не стану.

Клеопатра Сергеевна. Прошу тебя, не де-лай этого!.. *(Уходит.)*

Явление II

Евгения Николаевна *(одна)*. «Изменит ей муж!..» Мне, я думаю, лучше других знать, как он тебе верен, хотя я тоже очень хорошо из разных мелочей замечаю, что он со мной сошелся так только, для шутки! Видит: женщина молодая, красивая; сама почти ему объяснилась в любви; отчего же с ней не сблизиться и не заплатить ей маленькую сумму денег за то? Но он тут только ошибается в одном: я вовсе не из таких глупеньких и смиренных существ, чтобы любовью моею можно позабавиться и бросить меня потом, когда угодно... Я эту дурочку, супругу его, сведу с Мировичем... Она лжет!.. Она влюблена в него по уши, так что даже боится встречаться с ним, и только мужа притрухивает; но они сойдутся непременно... Бургмейера это, разумеется, взорвет; он сейчас же отстранит ее от себя, а я приду и сяду на ее место, – тогда Александр Григорьич и увидит, как со мной можно сблизаться только для шутки! Это, право, какая-то несправедливость судьбы: я с этой Клеопашей росла и училась вместе, все-

гда была лучше ее собой, умней, ловчее, практичней, наконец, и вдруг она выходит за богача, за миллионера; а я принуждена была выйти за полусумасшедшего мальчика, который бог знает что мне насаказал о своем состоянии, а когда умер, то оказалось, что я нищая!.. Если уж так мало счастья и удач в жизни, то по крайней мере умишком своим надобно что-нибудь для себя сделать: мужчины хоть и воображают, что они умней нас, проницательней, но уж насчет хитрости, извините: мы во сто раз их похитрее!.. Отчего это, однако, Александр Григорьич так мрачен последнее время?.. *(Взглядывая в окно.)* Вон он идет, – на что это похоже?.. Как будто бы к смерти приговоренный! Сегодня же я его расспрошу.

Явление III

Входит Александр Григорьевич Бургмейер, уже с проседью мужчина, со взглядом несколько суровым, но вместе с тем и со смущенным. На худощавых пальцах его виднеются два – три драгоценных кольца, на часовой цепочке и ключике тоже заметны драгоценные камни. Во всем костюме его чувствуется лондонский покрой.

Бургмейер (*протягивая руку Евгении Николаевне*). Здравствуйте, друг мой!.. Клеопатры Сергеевны, вероятно, дома нет?

Евгения Николаевна. Нет, она уехала с визитами и просила меня без нее уж подождать вас!

Бургмейер (*ставя в сторону свою шляпу и палку*). Не ревнива же она, видно!

Евгения Николаевна. О, нисколько! Она ничего даже не подозревает.

Оба садятся. Бургмейер сейчас же задумывается.

Евгения Николаевна (*устремляя на него внимательный взор и каким-то ласковым и заползающим в душу голосом*). Я, собственно,

приехала к вам и дожидалась вас, чтобы передать вам мою радость, которую я переживала за вас во вчерашнем собрании ваших акционеров: это невероятно, какой восторг во всей публике был к вам!

Бургмейер *(на минуту улыбнувшись)*. Да, криков много было!

Евгения Николаевна *(тем же вкрадчивым голосом)*. Это больше даже, чем крики... Вон в театре кричат иногда и беснуются какой-нибудь певице или актеру; но тут были слезы благодарности к вам, молитвы за вас. Около меня один старичок сидел: он небогатый, должно быть, и если получит, по вашему обещанию, на свой капиталец тридцать процентов, так будет иметь возможность безбедно существовать с двумя внучатами своими. Он все время шептал: «Господин Бургмейер пенсию мне дает!.. Пенсию!» Вы сами тоже очень интересны были... Когда вы кончили читать отчет и вам все захлопали, вы встали этак, оперлись слегка на стол рукою и бледный этак, взволнованный были!.. Вот именно как, бывши еще молоденькою девушкою, воображала себе всегда великих людей в

минуты их торжества: когда какого-нибудь победителя встречает народ или оратору аплодируют после его речи, они всегда должны быть бледные немножко, взволнованные...

Бургмейер, весьма невнимательно прослушавший все эти слова и, видимо, под влиянием какой-то внутренней муки, встал, вышел на авансцену и отвернулся даже от Евгении Николаевны, которая, в свою очередь, посмотрела на него сначала с некоторым удивлением, а потом сама тоже встала и, как кошка, подойдя к Бургмейеру, положила ему обе руки на плечо.

Евгения Николаевна. Положим, вы вчера могли быть грустны и взволнованы, но зачем же эта печаль продолжается и сегодня?

Бургмейер *(оборачиваясь к ней и стараясь ей приветливо улыбнуться)*. Да так уж!.. Не веселит что-то ничто!

Евгения Николаевна. Но, друг мой, что же может быть за причина тому? Вот уж несколько месяцев, как вы на себя непохожи! Отчего и чему вы можете печалиться? Вы миллионер!.. У вас прекрасная жена, которая вас любит и которую вы любите тоже; нако-

нец, Александр, у тебя, как сам ты видишь, хорошенькая любовница, которая от тебя ничего не требует и просит только позволить ей любить тебя и быть с ней хоть немножко, немножко откровенным.

Бургмейер *(как бы вспрянув)*. Да, Жени, я и сам хочу тебе открыться. Я думал было Клеопатре Сергеевне рассказать, но зачем же еще ее рановременно тревожить? Притвори все двери и посмотри, чтобы кто не подслушал в соседних комнатах.

Евгения Николаевна *(заглянув во все двери, притворив их и возвратившись к Бургмейеру)*. Там нет ни одной души человеческой.

Бургмейер *(беря ее за руку и во весь свой монолог легонько, но нервно ударяя своею рукой по ее руке)*. Вот видишь, ты мне сейчас сказала: «Вы миллионер!.. Вы благодетель общества!.. Имя ваше благословляют!.. За вас молятся старцы и дети!..» Ну, так знай, Жени, что я не миллионер, а нищий и разоритель всего этого благословляющего меня общества!

Евгения Николаевна. Александр Григорьич, возможно ли это после того, чему вчера я сама была свидетельницей? Не пугает ли

вас в этом случае ваше болезненным образом настроенное воображение?

Бургмейер (*слегка, но грустно улыбаясь*). Ха-ха-ха!.. Воображение! К несчастью-с, не в воображении моем это только происходит, а в действительности существует; впрочем, прежде всего надо дело сделать!.. (*Подходит к своему письменному столу и, вынув из него довольно толстый пакет, подает его Евгении Николаевне.*) Тут вот ваш маленький капитал, который вы мне доверили и который я нахожу теперь нужным, для пользы вашей, извлечь из моих дел; кроме того, прибавлена некоторая сумма от меня, – это вам на память обо мне за вашу дружбу.

Евгения Николаевна (*испуганным голосом*). Александр, ты, значит, совсем меня удалить от себя хочешь?

Бургмейер. Нет, Жени, нет!.. Пожалуйста, этого не думай: но мало ли что может случиться! Может быть, мне понадобится уехать вдруг за границу; наконец, я умереть могу неожиданно: в животе и смерти каждого человека бог волен.

Евгения Николаевна. Александр! Мне

страшно уж начинается становиться от твоих слов... Как ты ни мало меня любишь, если даже совсем меня не уважаешь и не ценишь, но я тебя люблю, спокойствие твое дороже мне собственного!.. Я со слезами тебя прошу быть со мной откровенным!.. *(На глазах ее в самом деле показываются слезы.)*

Бургмейер. Сейчас, Жени, сейчас. Я все тебе расскажу откровенно... *(Видимо, делает над собой усилие, чтобы начать рассказывать.)* Последний подряд мой, что и ты, конечно, знаешь, есть одно из самых крупных моих предприятий: в нем заинтригованы состояния всех виденных тобою вчера акционеров и большая часть моего состояния. Через несколько дней будет прием этому подряду, но он далеко не исправно и совершенно нечестно даже сделан.

Евгения Николаевна. Александр Григорьевич, я просто не верю словам вашим!.. Станете ли вы так делать!..

Бургмейер. Я и не делал прежде так, когда богат был, а теперь я нищий стал!..

Евгения Николаевна. Но куда же ваше состояние могло деваться?

Бургмейер. Все состояние мое, все почти деньги, которые следовали на этот подряд, у меня улетучились в прошлогодней игре моей на бирже, и весь этот подряд мой произведен на фу-фу, под замазку и краску, и то даже в долг!

Евгения Николаевна (*сильно пораженная*). Господи боже мой! Но зачем же вы это, Александр, играли на бирже?

Бургмейер. Зачем? Затем, что на землю сниспослан новый дьявол-соблазнитель! У человека тысячи, а он хочет сотни тысяч. У него сотни тысяч, а ему давай миллионы, десятки миллионов! Они тут, кажется, недалеко... перед глазами у него. Стоит только руку протянуть за ними, и нас в мире много таких прокаженных, в которых сидит этот дьявол и заставляет нас губить себя, семьи наши и миллионы других слепцов, вверивших нам свое состояние.

Евгения Николаевна. Но неужели же вам теперь никак и ничем нельзя поправить ваших дел?

Бургмейер. Совершенно возможно! Ничего не стоит!.. Через год же я мог бы сделаться

вдвое богаче, чем был прежде... На днях вот мне должна быть выдана концессия, на которой я сразу мог бы нажить миллион, не говоря уже о том, что если я удержу мои павшие бумаги у себя, то они с течением времени должны непременно подняться до номинальной цены; таким образом весь мой проигрыш биржевой обратится в нуль, если еще не принесет мне барыша!.. Но дело все в том, что концессию эту утвердят за мной тогда только, когда не поколеблется мой кредит; а он останется твердым в таком лишь случае, если у меня примут последний подряд мой, но его-то именно и не принимают.

Евгения Николаевна. Но, друг мой, говорят, всегда можно подкупить принимающих лиц... Тут нужны только деньги, и вот возьмите для этого все эти мои деньги; кроме того, я попрошу у приятельниц моих денег для вас.

Бургмейер. Дело не в деньгах... Денег есть настолько, но в комиссии сидит человек, которого не купишь...

Евгения Николаевна. Кто это такой?

Бургмейер. Минович, мальчишка, от зем-

ства приставленный!

Евгения Николаевна (*переспрашивая и как бы не веря ушам своим*). Мирович?

Бургмейер. Да.

Евгения Николаевна (*начинает уже хохотать*). Ха-ха-ха! Душенька, ангел мой, Александр Григорьич, вы каким-то ребенком мне теперь представляетесь! Неужели вы боитесь Мировича, одного только Мировича?

Бургмейер. Не его я боюсь, а протеста его и заявления. Пойми ты, что выйдет: это сейчас, разумеется, разгласится; акции нашего последнего дела шлепнутся с рубля на полтину. В правительственных сферах это увидят; концессии мне поэтому не выдадут, и я сразу подорван буду во всех делах моих.

Евгения Николаевна. Но Мирович не подаст, я думаю, никакого протеста.

Бургмейер. Однако ж он его подал. Это факт уже совершившийся.

Евгения Николаевна. Подал, потому что на него надобно было употребить некоторое особое влияние... Неужели же, Александр Григорьич, вы не замечали, что Мирович без ума влюблен в вашу жену?

Бургмейер *(весь вспыхивая при этом, нахмуриваясь и отворачиваясь от Евгении Николаевны)*. Это я видел отчасти; но какая же польза может проистечь от того?

Евгения Николаевна. А такая, что Клеопаша в этом случае может быть отличною ходатайницей. Он, конечно, не в состоянии ни в чем будет отказать ей.

Бургмейер. Но почему же он не в состоянии ей отказать? Между ними, надеюсь, существует только то, что Мирович влюблен в жену мою, но никак не больше!

Евгения Николаевна. Между ними существует... Только вы, пожалуйста, не выдайте меня, я вам говорю это по секрету... Существует то, что Мирович объяснился вашей жене в любви; она его совершенно отвергла, но это еще лучше, потому что, если теперь она хоть сколько-нибудь польстит его исканиям, так он, я не знаю, на что не готов будет решиться.

Бургмейер *(продолжая оставаться нахмуренным и с явным раздражением в голосе)*. Все это прекрасно-с! Но как же все это осуществить?

Евгения Николаевна *(как бы не поняв его)*.

Что такое тут осуществлять?

Бургмейер (*рассмеявшись уже какою-то злою усмешкой*). Ну да сказать жене и просить, что ли, ее, чтоб она известным образом действовала?.. Вы на себя, надеюсь, не возьмете этого сделать?

Евгения Николаевна. Ах, друг мой, нет никакого сомнения, что я сейчас же была бы готова, но я наперед уверена, что не успею ничего тут сделать. По-моему, вам лучше всего самому переговорить об этом с Клеопашей, потому что, как она ни хитрит со мною, но я хорошо вижу, что она не совсем равнодушна к Мировичу, и если теперь осторожно держит себя с ним, так это просто из страха к вам: она боится, что вас очень этим огорчит и рассердит!.. Но когда вы ей намекнете этак легонько, то она, конечно, сейчас же поймет, что это не будет для вас таким уж страшным ударом.

Бургмейер (*с судорожным смехом*). Как уж не понять тогда! Главное, я-то при этом являюсь очень красив пред ней в нравственном отношении!

Евгения Николаевна. Что же вы-то тут? Я, конечно, не знаю; но судя по себе, то хоть я и

не жена ваша, однако, чтобы помочь вам... будь в меня влюблен Мирович, я, не задумавшись, постаралась бы свертеть ему голову, закружить его окончательно...

Бургмейер (*перебивая ее*). То вы, а то жена моя.

Евгения Николаевна. Какая же разница?.. Неужели вы хотите этим сказать, что для меня все возможно, а жене вашей наоборот?

Бургмейер. О, подите, господь с вами!.. (*Взглядывая в окно.*) Карета жены, кажется, въехала во двор.

Евгения Николаевна (*тоже взмахивая глазами в это окно*). Да, это Клеопаша... Она, конечно, прямо пройдет к вам. Мне оставаться или лучше уехать?

Бургмейер. Уезжайте лучше.

Евгения Николаевна (*сбираясь уходить, говорит Бургмейеру скороговоркой*). Если вы только, друг мой, вздумаете вдруг уехать за границу, то Клеопаша, вероятно, не поедет с вами; но меня вы возьмите, я рабой, служанкой, но желаю быть при вас. Денег моих я тоже не возьму!.. (*Кладет деньги на стол.*) Они больше, чем когда-либо, должны теперь оста-

ваться у вас!.. (Уходит в одну из дверей.)

Явление IV

Бургмейер (*прикладывая руку к одному из Бвисков своих*). Какой демон внушил Евгении подсказать мне эту мысль, которая и без того смутно меня мучит несколько дней!.. И я сам... не насмешка ли это судьбы!.. Я сам должен идти к жене моей, этой чистой и невинной пока голубке, и сказать ей: «Поди, соблазняй и обманывай своими ласками и кокетством постороннего тебе мужчину, чтобы только он не вредил делам моим...» А что же другое мне осталось делать? Смело идти на разорение с тем, чтоб опять потом начать трудиться; но на каком поприще я могу трудиться? Я умею только торговать; для этого же надобно иметь или кредит, или деньги, а я того и другого лишусь. Значит, впереди у меня полнейшая, совершенная нищета; но это чудовище терзает нынче людей пострашней, чем в прежние времена: прежде обыкновенно найдется какой-нибудь добрый родственник, или верный старый друг, или благодетельный вельможа, который даст угол, кусок

хлеба и старенькое пальтишко бывшему миллионеру; а теперь к очагу, в кухню свою, никто не пустит даже погреться, и я вместе с бедною женою моею должен буду умереть где-нибудь на тротуаре с холоду, с голоду!.. Я для спасения ее же самой принужден решиться на все...

Явление V

Входит Клеопатра Сергеевна; Бургмейер употребляет все усилия над собой, чтобы казаться спокойным.

Клеопатра Сергеевна. Ты один?.. Жени поэтому уехала!

Бургмейер. Уехала.

Клеопатра Сергеевна *(подходя к мужу)*. Отчего ты мне не рассказал, какие вчера овации получил!.. Жени мне говорила, что тебя аплодисментами встретили и аплодисментами проводили. Мне очень жаль, что ты не взял меня с собою. Я очень бы желала видеть твое торжество.

Бургмейер. Не приучай себя, Клеопаша, к моим торжествам. Может быть, тебе скоро придется видеть и позор мой.

Клеопатра Сергеевна (*рассмеявшись даже*). Позор твой?.. Но отчего же и где же?

Бургмейер. Оттого, что я на днях, вероятно, должен буду объявить себя банкротом.

Клеопатра Сергеевна (*уже с беспокойством*). Но каким образом и на чем ты мог обанкротиться?

Бургмейер. На последнем подряде моем, который у меня не принимают, а если не примут его, так и не дадут мне другого дела, от которого я ожидал нажить большие деньги и ими пополнить все мои теперешние недочеты...

Клеопатра Сергеевна (*все с более и более возрастающим беспокойством*). Кто ж это?.. Комиссия, значит, не принимает у тебя подряд?

Бургмейер. Не комиссия вся... Напротив, все почти члены принимают, за исключением одного только Мировича.

Клеопатра Сергеевна (*побледнев при этом имени*). Почему ж он не принимает его?

Бургмейер. Говорит, что подряд дурно выполнен.

Клеопатра Сергеевна. Но в чем именно?

Он и судить, я думаю, не может.

Бургмейер. Многое там нашел.

Клеопатра Сергеевна (*усмехнувшись, как бы больше сама с собой*). Странно!.. (*После некоторого размышления обращаясь к мужу*.) Послушай, я, конечно, не хотела тебе и говорить об этом, потому что считала это пустяками; но теперь, я полагаю, должна тебе сказать: Минович равнодушен ко мне и даже намекал мне на это... Я, конечно, сейчас же умерила его пыл и прочла ему приличное наставление; но неужели же этот неприем-месть с его стороны?.. Я всегда считала его за человека в высшей степени честного.

Бургмейер. Вовсе не месть. Подряд, действительно, отвратительнейшим и безобразнейшим образом выполнен... Деньги, которые на него следовали, я все потерял в прошлогодней биржевой горячке.

Клеопатра Сергеевна. Это ужасно!.. Вот уж никак не ожидала того!.. Точно с неба свалилось несчастье.

Бургмейер. Ужаснее всего тут то, что, прими они от меня этот подряд и утвердись за мною новое дело мое, я бы все барыши от

него употребил на исправление теперешнего подряда, хоть бы он и был даже принят!.. Ты знаешь, как я привык мои дела делать!

Клеопатра Сергеевна. Еще бы! Но ты объясни все это Мировичу. Он, я все-таки убеждена, человек добрый и умный.

Бургмейер. Что ему объяснять? Разве он поверит мне!.. Он прямо на это скажет: «Всякий подрядчик готов с божбою заверять, что он исправит свой подряд после того, как у него примут его, а потом и надует». Он, кажется, всех нас, предпринимателей, считает за одинаковых плутов-торгашей.

Клеопатра Сергеевна. Как это глупо с его стороны, я нахожу...

Бургмейер. Глупо ли, умно ли, но он так думает... *(Усмехаясь.)* Вот если бы ты, что ли, съездила к нему и поумиловостила его. Кто ж может в чем отказать рыдающей младости и красоте?

Клеопатра Сергеевна *(заметно удивленная этим предложением мужа).* Мне к нему съездить, ты говоришь?

Бургмейер *(опять с усмешкой).* Да.

Клеопатра Сергеевна *(нахмуривая свой*

лоб и подумав немного). Нет, Александр, я не в состоянии этого сделать... Я оттолкнула от себя Мировича, и после того ехать к нему... унижаться... просить его, – это будет слишком тяжело для моего самолюбия. Я решительно от этого отказываюсь. Кроме того, я думаю, и пользы это никакой не принесет, потому что он, вероятно, затаил в отношении меня неприязненное чувство.

Бургмейер (как бы совсем уже рассмеявшись). Ну, тогда полюбезничай, пококетничай с ним!

Клеопатра Сергеевна (снова с удивлением). То есть как же это так я стану любезничать с ним?

Бургмейер (все еще как бы шутя). Как обыкновенно женщины любезничают...

Клеопатра Сергеевна (с вспыхнувшим лицом). Так ты поэтому желаешь, чтоб я не просто попросила Мировича, а чтоб даже пококетничала с ним?

Бургмейер на это ничего не отвечает и даже не смотрит на жену.

(Продолжает с более и более разгорающимся лицом.) А если я, Александр, сама в

этой игре увлекусь Миновичем?

Бургмейер (*уже с гримасою в лице*). Что ж!..

Клеопатра Сергеевна. И если я... я скажу уж тебе прямо: я сама немножко неравнодушна к Миновичу и только не давала этому чувству развиваться в себе, – ведь это, Александр, прикладывать огонь к пороху!

Бургмейер (*с судорогою во всем лице*). Очень понимаю, но что ж делать, если ничего другого не осталось!

Клеопатра Сергеевна (*с настойчивостью*). Так, стало быть, для тебя ничего не будет значить, если между нами что и произойдет?

Бургмейер (*опять как бы рассмеявшись*). Что ж особенно важного тут может произойти!

Клеопатра Сергеевна (*отступая даже несколько шагов от мужа*). Да, по-твоему, это и не особенно важно!.. (*Берет себя за голову*.) Господи!.. (*К мужу*.) Постой!.. Дай мне опомниться и сообразить все, что я от тебя слышала!.. (*Опускается на кресло; глаза ее принимают мрачное выражение*.) Ты, значит, желаешь и очень будешь доволен, если я, жена

твоя, для того, чтоб убедить там в чем-то Мировича, сделаюсь даже его любовницей. Это ты, кажется, хотел сказать и к этому вел весь разговор твой?.. *(Со смехом, но сквозь слезы.)* А я-то, глупая, думала, что ты меня так любишь, что не перенесешь даже измены моей...

Бургмейер *(пораженный и испуганный словами жены)*. Но почему же непременно любовницей? Каким образом ты вывела это из слов моих?

Клеопатра Сергеевна *(вставая с кресла)*. А чем же, ты думаешь? Неужели ты полагаешь, что за то, что у меня хорошенькие глазки и губки, так всякий мужчина для меня все и сделает? И зачем, наконец, я стану останавливать себя?.. Чтобы ты смеялся над моею верностью с своими возлюбленными, которые, справедливо, видно, мне говорили, у тебя уже существуют!.. Нет-с!.. Довольно мне душить себя... Знайте, что я сама люблю Мировича, и теперь приказывайте мне, что я должна делать: ехать к Мировичу, что ли? Теперь, сейчас же?.. Заставить его подписать бумагу?

Бургмейер *(совсем уничтоженный)*. Успо-

койся, Клеопаша, я только пошутил это... Я не ожидал, что ты так примешь слова мои.

Клеопатра Сергеевна. Как же ты ожидал, что я приму их?.. Я денно и ночью молила бога, чтобы он помог мне совладеть с моей страстью, но ты сам меня кидаешь в эту пропасть, так и пеняй на себя!.. Я с удовольствием, даже с восторгом поеду к Мировичу, но только я уж и останусь там, не возвращусь к тебе больше.

Бургмейер *(с мольбой в голосе)*. Клеопаша, прости меня! Не делай ничего. Не ездни никуда. Пусть я погибну. Извини мне минуту человеческой слабости.

Клеопатра Сергеевна. Поздно уж теперь! Достаточно, что ты мне раз это сказал. Я все теперь прочла, что таилось у тебя на душе в отношении меня. Теперь я не жена больше ваша, а раба и служанка, которая пока остается в вашем доме затем, чтобы получить приказание, что она должна делать, чтобы расплатиться с вами за тот кусок хлеба, который вы ей давали, и за те тряпки, в которые вы ее одевали. Буду ожидать ваших приказаний!.. *(Идет в свою комнату.)*

Бургмейер *(следуя за ней)*. Клеопаша, умо-

ляю тебя!.. Забудь, что я сказал! Это дьявол двинул моими устами... Я никогда ничего подобного не думал... Потеря тебя будет для меня дороже всего.

Клеопатра Сергеевна (*обертываясь к нему и с глазами, пылающими гневом*). Неправда-с!.. Не верю!.. Я поняла теперь вас насквозь: вы действительно, как понимает вас Мирович, торгаш в душе... У вас все товар, даже я! (*Захлопывает за собою дверь и даже запирает ее.*)

Бургмейер (*в полном отчаянии*). Боже, это выше сил моих!

Занавес падает.

Действие второе

Небольшая гостиная в квартире Мировича. Тут же стоит и его письменный стол со множеством бумаг и книг.

Явление I

Мирович, молодой человек с львиной почти гривой густых волос, с небольшою красивою бородкой, с лицом умным и имеющим даже какой-то поэтический оттенок. Одет он в серенький, домашний, с красною оторочкой пиджак и в широкие клетчатые шальвары. Куницын, приятель его, тоже молодой, очень рослый и смазливый мужчина, представляет собой отъявленного франта, хоть и не совсем хорошего тона, так что визитка на нем как-то слишком коротка, брюки крайне узки, сапоги на чересчур толстых подошвах, борода подстрижена, усы нафабрены и закручены несколько вверх.

Мирович (*заметно горячась*). Тут, я тебе говорю, такие мошенничества происходят, что вообразить невозможно, и мошенниче-

ства, самым спокойным образом совершаемые: четыре месяца я знаком с господином Бургмейером и его семейством; каждый день почти бывал в его доме, и он обыкновенно весьма часто и совершенно спокойно мне говорил, что вот я буду принимать его подряд, что, вероятно, найдутся некоторые упущения; но что он сейчас же все поправит, так что я был совершенно спокоен и ни минуты не помышлял, что мне придется встретить тут столько подлости, гадости и неприятностей.

Куницын (каким-то удалым тоном). Почему ж неприятностей?.. Ничего, сдери ты с этого Бургмейера денег побольше – вот и все!

Мирович. Прах его возьми с его деньгами, – очень они мне нужны! Но милей всего то с их стороны, что, кажется, они, наверное, рассчитывали поддеть меня на глупейшую шутку. В самый день осмотра господин Бургмейер вдруг заезжает за мной в коляске, вместе с ним и техник его, – это какой-то флюгер, фертик, но господин, как видно, наглости неописанной!.. Поехали мы все вместе, и, разумеется, в первом же здании оказывается, что одну половину нельзя показывать, пото-

му что она почему-то заперта; в другом месте зачем-то завешены окна; тут завтрак подошел, после которого дождик сильный полил, и неудобно стало наружные стены осматривать; а там, при каждой остановке, шампанское, коньяк! Словом, пролетели с быстротою пушечного выстрела, и вдруг меня спрашивают: «Как я нашел?» Я говорю: никак, потому что ничего не видал! «Да как, помилуйте, мы думали... У нас и протокол осмотра уж готов. Ваши товарищи подписали его даже!» И действительно, показывают мне протокол, всеми этими господами подписанный.

Куницын. Так... так... Они все давным-давно куплены, и про тебя даже говорили, что вашу милость тут обработали посредством бабенки: ты, сказывают, влюблен в эту мадам Бургмейершу, – персона она изящная!

Мирович (*заметно сконфуженный этими словами*). Если бы даже я и влюблен был в нее, так это ни к чему бы не послужило.

Куницын. Послужило бы к тому, что ломаться долго не стала, атанде-то бы не много раз сказала.

Мирович. Ври больше! У тебя на все один

взгляд, тогда как мадам Бургмейер такое святое, честное и нравственное существо, что какие бы между нами отношения ни были, но уж, конечно, она никогда бы ни на какой черный поступок не стала склонять меня.

Куницын. Ну да, как же! «Честное, святое существо!» Как где, брат, сотни-то тысяч затрещат, так всякая из них, как карась на горячей сковороде, завертится и на какую хочешь штуку пойдет.

Мирович. Ну, поумерь, пожалуйста, несколько цинизм твой.

Куницын. Что мой цинизм!.. Я, брат, говорю правду... Как же ты, однако, поступил потом?

Мирович. Поступил так, что на другой день поехал уж со своим техником, осмотрел все подробно, и вот тебе результат этого осмотра... *(Подает Куницыну кругом исписанный лист.)*

Куницын *(просматривая этот лист)*. Ах, мои миленькие, душеньки!.. Сорок семь статей против контракта не выполнили!

Мирович. Ровно сорок семь статей.

Куницын. Тут уж, значит, никакая мадам

Бургмейерша ничем не поможет!

Мирович. Полагаю.

Куницын. Хорошенько ты их, братец, хорошенько! Я сам тебе про себя скажу: я ненавижу этих миллионеров!.. Просто, то есть, на улице встречать не могу, так бы взял кинжал да в пузо ему и вонзил; потому завидно и досадно!.. Ты, черт возьми, год-то годенской бегаешь, бегаешь, высуня язык, и все ничего, а он только ручкой поведет, контрактик какой-нибудь подпишет, – смотришь, ему сотни тысяч в карман валятся!..

Мирович. Почему же ты-то так уж жалуешься? И твое адвокатское ремесло очень выгодное.

Куницын. Э, вздор, пустяки! Гроши какие-то, если сравнить его, например, с железнодорожным делом; там уж, брат, именно: если бы, кажется, меня только лизнуть пустили этой благодати, так у меня бы сто тысяч на языке прильнуло, а у нас что?.. Да и не по характеру мне как-то это!.. Все ведь, брат, это брехачи: «Господа судьи, господа присяжные, внимлите голосу вашей совести!» А сам в это время думает: приведет ли мне господь со-

драть с моего клиента побольше да повернее; а те тоже – шельма-народец: как ему выиграл процесс, так он, словно из лука стрела, от тебя стрекнет; другого с собаками потом не отыщешь. Пустое дело! И я уж, брат, теперь другую аферу задумал. Видишь на мне платье, – хорошо?

Мирович. Отличное.

Куницын. На полторы тысячи целковых сделал себе всякой этой дряни и каждый день то в маскараде, то в собрании танцую. На богатой купеческой дочке хочу жениться, а это не вывезет, к какой-нибудь мужелюбивой толстухе в утешители пойду.

Мирович. Что это за страсть у тебя, Куницын, разные мерзости на себя взводить, которые ты никогда, я убежден, и сделать не способен!

Куницын. Отчего не способен?.. Непременно сделаю. Нынче, брат, только тем людям и житье, которые любят лазить в чужие карманы и не пускать никого в свой... Тут, смотришь, мошенник, там плут, в третьем месте каналья, а живя посреди роз, невольно при-мешь их аромат. Женитьбы я себе не вытан-

цую, заберусь куда-нибудь казначеем в банк, стибрю миллион и удеру в Америку, – ищи меня там!

Мирович. Но что такое ты за благополучие особенное видишь в деньгах?.. Нельзя же на деньги купить всего.

Куницын (*подбочениваясь обеими руками и становясь пред приятелем фертм*). Чего нельзя купить на деньги?.. Чего?.. В наш век пара, железных дорог и электричества там, что ли, черт его знает!

Мирович. Да хоть бы любви женщины – настоящей, искренней! Таланту себе художественного!.. Славы честной!

Куницын. Любви-то нельзя купить?.. О-хо-хо-хо, мой милый!.. Еще какую куплю-то!.. Прелесть что такое!.. Пламенеть, гореть... обожать меня будет!.. А слава-то, брат, тоже нынче вся от героев к купцам перешла... Вот на днях этому самому Бургмейеру в акционерном собрании так хлопали, что почище короля всякого; насчет же талантов... это на фортепьянчиках, что ли, наподобие твое, играть или вон, как наш общий товарищ, дурак Муромцев, стишки кропать, так мне этого даром

не надо!..

Явление II

Входит лакей и подает Мировичу три визитные карточки.

Мирович (*просматривая их*). Что это такое? Симха Рувимыч Руфин, московский купец первой гильдии.

Куницын (*подхватывая*). Зид, должно быть. Я-зи, ва-зи!

Мирович (*продолжая*). Измаил Константинович Толоконников, техник-строитель.

Куницын (*опять подхватывая*). Знаю!.. Бит даже был по роже за свои плутни и все-таки к оным стремится.

Мирович (*кидая карточки на стол*). И monsieur Бургмейер, наконец!

Куницын (*с каким-то почти восторгом*). Прибыл, значит, здравствуйте! Легок, выходит, на помине!

Мирович (*с досадой*). Пять раз он уже сам ко мне приезжал; а теперь с компанией даже какой-то прибыл. Чего они хотят от меня, желательно знать?

Куницын. Надо, видно!.. (*Берясь за шляпу.*)

Я вот уйду, а ты их прими и пробери ты каждого из них, канальев, так, чтоб его, как на пруте, забило! Главное, жиденка-то этого, Симху Рувимыча, – шельма, должно быть, первостатейная! А самого monsieur Бургмейера, знаешь, если он даст тебе тысчонок пятьдесят – шестьдесят, так черт с ним: прости его!

Мирович (с досадой). Отвяжись ты с своими тысчонками!

Куницын. Нет, брат, тысчонки – отличнейшая вещь!.. (Уходит, напевая куплет собственного сочинения: «Когда б я был аркадским принцем, тысчонки брал бы я со всех!»)

Лакей (все ожидавший приказания Мировича с видимым нетерпением). Можно этим господам войти-с?

Мирович. А тебе что такое тут за беспокойство?

Лакей (недовольным голосом). Мне что-с? Они не ко мне приехали, а к вам... (Поворачивается и хочет уходить.)

Мирович (крича ему вслед). Прими их!
Лакей уходит.

Явление III

Мирович *(один)*. Я убежден, что господин Бургмейер подкупил моего лакея, потому что этот дурак почти за шиворот меня всякий раз хватает, чтоб я принимал его скорее; тут даже эти господа не могут без денег ступить!.. Куницын совершенно справедливо говорит, что их хорошенько надобно пробрать, чтоб они поняли наконец, что нельзя же мною злоупотреблять до бесконечности!.. *(Становится около одного из своих кресел и гордо опирается рукой на его спинку.)*

Явление IV

Входит Бургмейер и за ним смиренною походкой крадется Симха Рувимыч Руфин, очень молодой еще и весьма красивый из себя еврей. Оба они, издали и молча поклонившись хозяину, становятся в стороне; Толоконников же, с книгой в руке, подходит прямо к Мировичу и раскланивается с ним несколько на офицерский манер, то есть приподнимая слегка плечи вверх и даже ударяя каблук о каблук, как бы все еще чувствуя на них шпоры.

Толоконников (*совершенно развязным тоном*). Вчерашнего числа-с вам угодно было прислать к нам замечания ваши касательно исполнения подряда.

Мирович (*в свою очередь, тоже резко*). Да-с, я присылал их и желаю, чтобы замечания эти включены были в протокол, где и будут составлять мое отдельное мнение.

Толоконников (*слегка раскланиваясь пред Мировичем, но, тем не менее, с явно насмешливою улыбкой*). Этому желанию вашему я, конечно, никак не могу воспрепятствовать и

только позволяю себе заметить, что в эти замечания вкралось много неточностей.

Мирович (*гордо*). А именно какие-с?

Толоконников (*с прежней усмешкой и вместе с тем совершенно пунктуальным тоном*)

Вы-с изволите писать, что здания скреплены вместо железных гвоздей деревянными... прекрасно-с! Но надобно было указать, где именно и во скольких местах; а то, может быть, действительно какой-нибудь один дурак, пьяный рабочий, поленился идти за железным гвоздем, и вбил деревянный, – это ничего не значит... (*Приподнимает при этом плечи.*)

Мирович. Нет-с, тут не один деревянный гвоздь, а их сотни, и они выкрашены черною краской, чтоб издали казались железными.

Толоконников (*приподнимая еще выше плечи*). Но все-таки они должны быть сосчитаны от первого гвоздя до последнего.

Мирович. Что же, мне для этого лазить по всем вашим крышам?

Толоконников (*с ударением*). Непременно-с!.. Непременно!.. Из этого, сами согласитесь, должен возникнуть иск к подрядчику; а потому это дело денежное, и данные для

него должны быть определены с полной точностью... Далее-с потом: вы указываете, что щебенной слой только в вершок, тогда как он должен быть в четыре... На это я имею честь предъявить вам статью закона... *(Раскрывает держимую им книгу и с гордостью подает ее Мировичу.)* 1207 статья, параграф 2-й!..

Мирович начинает читать указанную ему статью.

(Продолжая на него по-прежнему насмешливо смотреть и как бы толкуя ему.) В статье этой прямо сказано, что даже в казне, при сдаче одним начальником дистанции другому лицу, на толщину щебенного слоя обращать внимание запрещено-с, потому что щебень-с не мука!.. Из него теста не сделаешь, чтоб он везде ровными слоями ложился!.. В практике случается обыкновенно так, что в одном месте слой этот на полвершка, а в другом и на восемь вершков.

Мирович *(возвращая Толоконникову книгу)* . Статья эта нисколько не касается нашего случая!.. Это сказано для последующих сдач, а при первоначальном приеме всякий подряд принимается по контракту: в контракте гово-

рится, что щебенной слой должен быть равномерный в четыре вершка, он и должен быть таким!

Толоконников (*восклищает*). Но этого невозможно выполнить физически, как на луну, например, прыгнуть!

Мирович (*довольно хладнокровно*). Если нельзя было подряд выполнить физически, так нечего было и брать его.

Толоконников (*опять поднимая плечи*). Что ж, нельзя было выполнить!.. Это будет, извините вы меня, прямым стеснением всякой предприимчивости... Каждый не юрист даже скажет вам, что закон выше всякого контракта... В наше время, когда все так двинулось вперед, ставить такие преграды! Мне, признаюсь, в вас, человеке образованном, очень странно встретить такие понятия.

Мирович. В моих понятиях вы, вероятно, еще многое найдете странным для вас, точно так же, как и я в ваших...

Толоконников (*насмешливо расшаркиваясь перед Мировичем*). Мои-с понятия самые обыкновенные, самые вульгарные! Впрочем, перейдемте лучше к делу; в записке вашей за-

тем объяснено, что деревянные здания выстроены из одних столбов, обшитых снаружи и снутри тесом... Совершенно верно-с! Но подрядчик иных и не обязан был делать.

Мирович (*отступая даже шаг назад*). Как не обязан?

Толоконников (*с замечательною смелостью и с некоторым как бы самодовольством*). Так-с, не обязан! В контракте только сказано, что выстроить столько-то зданий, такой-то величины, но каким способом – не указано.

Мирович (*выйдя, наконец, из себя и тоже сильно уже возвыся голос*). Но ведь-с выстроенны не здания, а бараки!

Толоконников (*с прежнею смелостью*). Может быть-с, и бараки!.. Но всякий подрядчик, разумеется, желает воспользоваться недомолвками контракта.

Мирович (*побледнев даже от гнева*). Послушайте, господин Толоконников, дайте себе хоть немного в том отчет, что вы говорите: то у вас контракт все, то ничего не значит!.. Что вы, запугать и закидать словами вашими меня думаете?.. Так, во-первых, я не из трусли-

вых, а во-вторых, смею вас заверить, что я хоть и молод, но из молодых ранний и всякую плутню и гадость понять могу.

Толоконников (*в свою очередь, распетушась*). Тут-с нет плутней и гадостей, извините вы меня!

Мирович (*хватая со стола тот лист, который показывал Куницыну, и тряся им почти пред носом Толоконникова*). В этом деле, вы говорите, нет плутней и гадостей? В этом?

Толоконников (*отстраняя от себя бумагу*). Позвольте-с, позвольте... Прежде всего я просил бы вас не совать мне в лицо бумаг ваших и не кричать на меня, – я не подчиненный ваш и повторяю вам, что тут никаких нет плутней, а что если вы находите их, то (*с иронической улыбкой*), вероятно, сами имете какие-нибудь побочные причины на то...

Мирович (*подступая к нему*). Какие я побочные причины имею на то? Какие-с?.. Я требую, чтобы вы сейчас же мне это объяснили, или я вас заставлю раскаяться в том, что вы мне сказали, и научу вас быть осторожнее в ваших выражениях.

Бургмейер (*испуганный этой начинающей-*

ся ссорой). Господин Мирович, успокойтесь! Господин Толоконников, замолчите!

Толоконников (с той же насмешливою, хоть и не совсем искреннею улыбкой обращаясь к Мировичу). Не следует ли вам самим-с прежде поучиться, как выражаться!.. Я сказал вам единственно потому, что вы сами мне гораздо больше сказали.

Мирович (в окончательной запальчивости). Я вам имею право это говорить, а вы мне нет, – понимаете ли вы это?

Толоконников (по наружности все еще как бы продолжавший усмехаться). Нет-с, не понимаю: кто, может быть, скажет, что вы имеете это право, а кто – и я.. Во всяком случае, я вижу, что дальнейшие наши объяснения ни к чему не могут привести, – честь имею кланяться!.. (Раскланивается, прищелкнув каблуками.) Очень жаль, что мы всего только другой раз в жизни встречаемся с вами и должны так уж неприязненно расстаться!

Мирович. А мне вообще очень жаль, что я с вами в жизни встретился.

Толоконников (вспыхнув в лице). Взаимно и мне тоже!

Уходит, не кланяясь более с Мировичем.

Явление V

Мирович, Бургмейер и Руфин.
Мирович (с сильным неудовольствием). Это никакого терпения нет! Я, наконец, велю запереть двери и никого не пускать к себе.

Бургмейер (сконфуженно и робко обращаясь к Мировичу). Господин Толоконников, Вячеслав Михайлович, собственно, хотел только объясниться с вами как техник и оправдаться перед вами в техническом отношении.

Мирович (с тою же досадливостью). Что ему было оправдываться предо мной! Я совершенно убежден, что он в техническом, умственном и нравственном отношении невежда, нахал и подлец!.. (Взглядывая на Руфина.) Но что этому господину еще угодно от меня?

Бургмейер (потупляя глаза и тем же смущенным тоном). Это новый подрядчик, который желал бы взять на себя исправление моего подряда.

Мирович (Руфину). Вы еврей?

Руфин. Еврей, господин.

Мирович. А давно ли вы купцом первой гильдии стали?

Руфин. С двенадцатого апреля, господин.

Мирович. То есть со вчерашнего числа?

Руфин. Да, господин.

Мирович (*рассмеявшись*). Это уж смешно даже становится!.. Что же, вы подряд господина Бургмейера готовы взять на себя?

Руфин. Готов, господин. Мне ни копейки денег не надо вперед на то, ни полушки! Вами сорок семь пунктов неисправностей найдено! Я берусь так: я исправлю первый пункт, вы заплатите мне за первый пункт из залогов господина Бургмейера. Я исправлю второй пункт, вы заплатите мне за второй пункт из денег господина Бургмейера! Я исправлю третий, вы заплатите мне за третий!

Мирович. Все это очень хорошо-с, но, к сожалению, до меня нисколько не касается.

Руфин. Как же, господин, это вас не касается? Это выгода вашего начальства.

Мирович. Да-с, но начальство мое меня на то не уполномочило... Мне велено подряд принять, если я, по моему убеждению, найду его выполненным противу всех пунктов кон-

тракта; но я его не нашел таким, а потому не принимаю, – вот и вся моя роль!

Руфин. Но как же, господин, мне делать? Куда ж мне идти теперь?

Мирович. Идти вам, когда подряд от господина Бургмейера будет отобран, – исправлять его на счет залогов, вероятно, будут с торгов, – тогда идти на торги и заявить там ваше предложение.

Руфин *(как бы начиная уже горячиться).* Но я, господин, не могу тогда сделать этого моего предложения. Время уйдет: пора рабочая придет... народ и материалы, господин, вдвое дороже будут... Я тогда вчетверо, впятеро запрошу с вас... Мои цены, господин, выгодны. Вот мои цены!.. *(Подает Мировичу бумагу и почти насильно оставляет ее в руках его.)*

Мирович *(бросая на стол бумагу).* Очень верю-с; но все-таки ничего не могу сделать.

Руфин *(опять как бы горячась).* Я, господин, объявил вам мои цены!.. Если потом будут производиться поправки из залогов господина Бургмейера по ценам выше моих, господин Бургмейер станет с вас требовать убыт-

ки.

Мирович. Что ж делать, я и заплачу ему их, если меня присудят к тому. Все это, конечно, вы очень остроумно придумали, но не приняли в расчет одного: что я вас видал у господина Бургмейера и даже знаю, что вы один из приказчиков его.

Руфин (*нимало не конфузясь*). А я был приказчиком у господина Бургмейера, но я отошел от него... Я имею свои подряды... Я купец первой гильдии.

Мирович. Со вчерашнего числа только, а потому вы не купец первой гильдии, а вы подкупное, подставленное лицо – вот вы кто такой!.. (*Обращаясь к Бургмейеру.*) Александр Григорьич, как вам самим не скучно разыгрывать все эти комедии? Вы мало что лично бог знает сколько раз со мной объяснялись, но вы еще напускаете на меня разных ваших благородных сподвижников, которые меня, как дурака какого-нибудь, хотят в глазах провести.

Бургмейер (*с потупленной головой*). Я так, Вячеслав Михайлыч, растерян, что не знаю и сам, что делаю и что вокруг меня делается.

Они, конечно, желали, чтобы хоть сколько-нибудь помочь мне, и я прошу у вас той лишь милости: позволить мне с вами говорить не как уже подрядчику, желающему вас обмануть, а как человеку, сокрушенному под гнетом своих обстоятельств.

Мирович. Что вам говорить, я не знаю! Говорите, если вам необходимо это... *(Становится опять к одному из своих кресел и опирается на спинку его рукою.)*

Руфин *(покорно обращая свой взгляд на Бургмейера).* А я, господин, не нужен больше?

Бургмейер *(окончательно сконфуженный этим вопросом).* Нет!

Руфин смиренно кладет под мышку свою фуражку и уходит медленною жидовскою походкой, как бы изображая всей своей фигурой: «Нет, не все еще испробовано; можно было еще попытаться!»

Мирович *(при этом смеется, глядя на публику, и затем обращается к Бургмейеру).* Я слушаю вас.

Бургмейер *(разбитым и прерывающимся голосом).* Подряд мой, Вячеслав Михайлыч, сам признаюсь вам в том, совершенно не вы-

полнен и мало что должен быть исправлен: его надобно весь сломать и заново сделать.

Мирович (*почти надменно*). Зачем же вы его делали таким?

Бургмейер. Не для барышей, Вячеслав Михайлыч, видит бог, не для барышей, а потому только, что прошлым летом я потерял миллион моего состояния на американских бумагах.

Мирович. Все это, конечно, очень жаль; но как же тут быть?

Бургмейер. Быть тут очень бы просто было! При моих оборотах миллион этот для меня ничего не значит. На днях же мне должна быть выдана концессия на дело, которое даст мне такой же миллион, и я бы с этими деньгами не только что исправил и переделал мой подряд, но я бы сделал его образцом архитектурного и инженерного дела.

Мирович (*насмешливо*). Когда подряд ваш будет образцом архитектурного и инженерного дела, тогда я и назову его так, а теперь пишу, каков он есть.

Бургмейер. Но ведь мне, поймите вы это, добрейший и благороднейший человек, могут выдать концессию, пока я еще не заявлен

несостоятельным подрядчиком, и я в этом случае уж прошу вас не за себя, а за моих несчастных акционеров: людей недостаточных, у которых в этих акциях весь кусок хлеба.

Мирович. Все это, опять я вам повторяю, мне очень грустно и тяжело; но при всем этом публично и нагло я ни для кого и ни для чего в мире лгать не стану.

Бургмейер. Ну, послушайте, вот еще другая комбинация: вчера я получил телеграмму... *(Вынимает из бумажника дрожащими руками телеграмму и показывает ее Мировичу.)* В ней, вы видите, пишут, что мне могут выдать концессию до сдачи этого подряда моего, а потому возьмите вы назад ваше заявление... Скажитесь больным... Пока на ваше место будут назначать другого, время протянется... Одного только промедления прошу у вас, Вячеслав Михайлыч! У меня пять тысяч рабочих собрано и стоят наготове; как только я получу разрешение на новое мое предприятие, я всех их двину на мой теперешний подряд... Потом вы хоть опять вступайте в комиссию, хоть присылайте, сколько угодно, других еще

комиссий, я не буду бояться за дело мое, потому что, клянусь вам всем святым для человека, оно будет исполнено в десять раз лучше того, чем я обязался его сделать... Мне мое торговое имя, Вячеслав Михайлыч, важнее всего.

Мирович. Нисколько не сомневаюсь в том, Александр Григорьич, но и того не могу для вас сделать. Я начал действовать в этом деле и должен продолжать это. Вот сейчас ваш техник сказал мне, что я, вероятно, имею побочные причины находить все дурным, и вдруг я найду или все хорошим, или благоразумно устраню себя!.. Тогда прямо скажут, что причины эти удалены каким-нибудь нечестным образом.

Бургмейер. Этого техника, дурака и болвана, я удалю, если хотите, за границу; я его десять, двадцать лет оттуда не выпущу.

Мирович. Но это не один ваш техник скажет, а в умах всего общества так это скажется и отразится... Я же, Александр Григорьич, только еще вступаю в жизнь, и мне странно было бы на первых шагах сделать одну из величайших подлостей.

Бургмейер. Общество ничего и знать не будет! Каким образом и почему общество узнает: худо ли, хорошо ли я исполнил мой подряд, почему и зачем вы отстранились от приема? Но если бы даже оно и узнало, так должно еще выше вас оценить и поблагодарить, потому что вы этим мало что спасете меня и состояние тысячи людей, вверивших мне свои капиталы, но вы спасете самое предприятие! Вы, Вячеслав Михайлыч, молоды еще и не знаете, как эти дела делаются. Ну, вы мне повредите, у меня отнимут это дело... передадут другому лицу... Тот, разумеется, наблюдая свои выгоды, позачинит кое-что, позакрепит, позакрасит!.. Положим, вы и у него не примете, сдадите третьему лицу... Тот точно так же сделает... Наконец, вы примете же когда-нибудь, а дело будет все-таки не в должном виде, и только я один... я, согрешивший в нем и готовый принести настоящую искупительную жертву, исправлю его совершенно! Во имя всего этого я на коленях осмеливаюсь умолять вас быть милостивым... *(Хочет стать на колени.)*

Мирович *(не допуская его это сделать).*

Александр Григорьевич, пожалуйста, перестаньте! Эти сцены, ей-богу, ни к чему не поведут!.. *(Взглянув в окно.)* Боже мой! Клеопатра Сергеевна приехала!

Бургмейер. Жена!.. Все кончено теперь!.. *(Быстро уходит, совершенно потерявшись.)*

Мирович *(в сторону и тоже сильно смущенный)*. Неужели и с этой стороны будет еще нападение на меня!

Явление VI

Клеопатра Сергеевна *(входя и каким-то почти полупомешанным голосом)*. Я уже не велела вам сказывать об себе, Мирович, и вошла... примите меня и не выгоняйте!.. Дайте мне стул!.. Я очень устала.

Мирович подает ей кресло.

Клеопатра Сергеевна *(сев)*. Муж мой здесь или ушел?

Мирович. Ушел вдруг, не знаю почему-то!

Клеопатра Сергеевна. Он хорошо это и сделал! Сядьте и сами около меня, Мирович!

Мирович пододвигает стул и садится около нее.

Клеопатра Сергеевна *(кладя свою руку на*

его руку). Скажите, правду ли вы говорили, что вы меня любите?

Мирович. Божество мое, неужели вы думаете, что я мог бы вас обманывать!.. *(Склоняет свою голову на руку Клеопатры Сергеевны и целует ее.)*

Клеопатра Сергеевна. Я вам верю, Мирович, и сама вам признаюсь, что я вас люблю. Но я хочу вам рассказать прежде про себя: я горда очень, Мирович, страшно горда и самолюбива!.. Может быть, меня бог за это и наказывает!.. Господин Бургмейер этот еще издавна благодетельствовал нашей семье; он выкупал отца из ямы; содержал потом мою бедную больную мать; меня даже воспитывал на свой счет!.. Мне беспрестанно говорили, что он спаситель наш и что я должна за него выйти замуж. Он мне очень не нравился, но я не хотела ему оставаться обязанной за себя и за семью мою и решила собою заплатить ему за все это!.. После того я стала привыкать к нему... Мне казалось, что он-то уж очень меня любит: каждое слово мое, каждое маленькое желание мое были законом для него! Я капризничала над ним часто, он все это переносил

сил; когда я делалась больна, он совершенно терялся. Мне думалось, что если я полюблю кого-нибудь другого, то это для Бургмейера будет ужаснее потери чести, состояния, самой жизни даже! В прошлом году я встретила с вами, Вячеслав, и полюбила вас с первой же минуты!.. Вы заговорили со мной, я не помню о чем, но только совершенно о другом, о чем всегда другие говорили при мне. Я всю жизнь только и слышала, что какой товар выгоднее купить, чего стоит абонемент итальянской оперы; меня возили по модисткам, наряжали, так что вы показались мне совершенно человеком с другой земли. Сначала я была в восторге от моего чувства к вам, но потом я испугалась: мне сделалось жаль Бургмейера, сделалось страшно за самое себя – мне казалось, что ты меня любишь только мимолетною любовью! Я отвергла тебя; но надолго ли бы сил моих хватило на это, я не знаю, и, конечно, рано или поздно, а я сказала бы тебе всю правду, и теперь только случай поторопил это. Муж мой (с грустной усмешкой), после всей-то воображаемой мною любви его ко мне, на днях мне говорит: «Дела мои запута-

лись и зависят от Мировича; поди к нему, кокетничай с ним, соблазни его и выпроси у него согласие не вредить мне!» Слыхал ли ты, Вячеслав, чтобы какой-нибудь муж осмелился сказать жене своей, самой грязной, самой безнравственной, подобную вещь! Я в минуту же вырвала из души к Бургмейеру всякое малейшее чувство и пришла к тебе! Сделай по его, как он просит, заплати ему этим за меня и возьми меня к себе!

Мирович *(все с большим и большим волнением слушавший Клеопатру Сергеевну, при последних словах ее встал с своего места)*. Клеопатра Сергеевна, за откровенность вашу я и сам отплачу вам полной моею откровенностью: что обладать вами есть одно из величайших блаженств для меня, вы сами это знаете; но тут, подумали ли вы об этом, нас может, как вы сами желаете того, соединить только, я не скажу – преступление, нет, а что-то хуже того, что-то более ужасное!.. Соединить мой подлый и бесчестный поступок!

Клеопатра Сергеевна. Тут не будет, Вячеслав, бесчестного поступка с твоей стороны... Муж мой сам мне сказал... предо мной ему

нечего было выдумывать и лгать... сказал, что он весь свой подряд исправит потом.

Мирович. Какая ж польза будет от его исправления? Я все-таки войду с ним в плутовскую сделку; но, наконец, я ни слова бы не говорил, если бы только это касалось меня. Пусть меня клеймят и позорят! Тому, что я пылаю к тебе неудержимую любовью, – никто, конечно, не поверит. Нынче этому никто не верит! Все назовут меня сладеньким селадоном, готовым из-за хорошенькой женщины сделать всевозможный гадкий поступок. Я все бы это перенес, но, сокровище мое, тут тебя заподозрят и объяснят, что ты была сообщницей твоего мужа.

Клеопатра Сергеевна. Нет, Вячеслав, я не сообщница его!.. Я люблю тебя больше всего на свете и прошу тебя за мужа, потому что хочу навеки и навсегда с ним расстаться и расквитаться.

Мирович. Знаю я, Клеопаша, и все это вижу!.. Если бы ты только знала, какую я адскую и мучительную борьбу переживаю теперь!.. Тут этот манящий меня рай любви, а там – шуточка! – я поступком моим должен буду из-

менить тому знамени, под которым думал век идти! Все наше поколение, то есть я и мои сверстники, еще со школьных скамеек хвастливо стали порицать, и проклинать наших отцов и дедов за то, что они взяточники, казнокрады, кривосуды, что в них нет ни чести, ни доблести гражданской! Мы только тому симпатизировали, только то и читали, где их позорили и осмеивали! Наконец, мы сами вот выходим на общественное служение, и я, один из этих деятелей, прямо начинаю с того, что делали и отцы наши, именно с того же лицепрятия и неправды, лишь несколько из более поэтических причин, и не даю ли я тем права всему отрешью старому со злорадством указать на меня и сказать: «Вот, посмотри, каковы эти наши строгие порицатели, как они честно и благородно поступают». Ты, Клеопаша, как женщина, может быть, не поймешь даже в этом случае моих чувств...

Клеопатра Сергеевна. Напротив, Вячеслав, я все это понимаю и больше еще начинаю тебя любить и уважать за то!.. Господь с тобой, иди своей дорогой!.. Я не буду тебе мешать... *(Встает с своего кресла.)* Прощай!

Мирович (*в тоскливом недоумении*). Но куда же ты идешь?

Клеопатра Сергеевна. Куда? Домой!..

Мирович (*задышающимся голосом*). погоди, Клеопаша, еще одну минуту погоди!

Клеопатра Сергеевна (*покорно*). Хорошо.

Мирович (*схватывая себя в отчаянии за голову*). Что я за ничтожный и малодушный человек! Чего трепещу?.. Чего боюсь?.. Она отдает мне всю себя, всю жизнь свою, а я в прах уничтожаюсь пред фантомом, созданным моим воображением, и тем, что скажут про меня потом несколько круглоголовых Туранов! (*Садится за стол и опускает свою голову на руки.*)

Клеопатра Сергеевна (*тихо подходит к нему и, слегка дотрагиваясь до его плеча*). Послушай, Вячеслав, если для тебя то и другое так тяжело, то, изволь, я останусь у тебя и так: не делай ничего для мужа!.. Пусть с ним будет что будет!.. Я чувствую, что ты мне дороже его!

Мирович (*открывая лицо свое, обращая его к Клеопатре Сергеевне и каким-то иронически-грустным голосом*). Просто... не делая

ничего – тебя взять у него! Но не очень ли уж это будет немилосердно против него: я у него отнимаю самую дорогую жемчужину, а ему за то не возвращаю ничего! Нет уж!.. Пусть, по крайней мере, он владеет своими миллионами!.. Я ему спасу их!

Клеопатра Сергеевна (*мрачно*). А если ты, Вячеслав, раскаешься потом?

Мирович. Как же я раскаюсь? Ты сама же хотела остаться у меня безо всякой жертвы с моей стороны, и если я поступил теперь так, то это было делом совершенно свободной воли моей! (*Садится за стол, начинает быстро и быстро писать. Написав торопливо и как бы сам не сознавая того, что делает, звонит.*)

Вбегает лакей.

(*С лицом совершенно пылающим, подавая сложенную бумагу лакею.*) Поди, ты знаешь эту нашу комиссию! Отнеси туда эту бумагу!.. Скажи, что я болен, что не буду больше у них участвовать и совсем в отставку выхожу, и чтобы мне прежнюю мою бумагу возвратили с тобой.

Лакей. Слушаю-с... (*Уходит.*)

Мирович (*обращаясь к Клеопатре Сергеев-*

не и каким-то притворно-веселым тоном).
Клеопатра Сергеевна, я сделал все, что желал
ваш муж!

Занавес падает.

Действие третье

Еще более богатый кабинет, чем в первом действии. Сзади письменного стола, уставленного всевозможными украшениями, виднеется огромной величины несгораемый шкаф.

Явление I

Бургмейер (*очень уже постаревший и совсем почти поседевший, сидит на диване около маленького, инкрустацией выложенного столика, склонив голову на руку*). Такие приливы крови делаются к голове, что того и жду, что с ума сойду, а это хуже смерти для меня... В могилу ляжешь, по крайней мере, ничего чувствовать не будешь, а тут на чье попеченье останусь? На Евгению Николаевну много понадеяться нельзя!.. Я уж начинаю хорошо ее понимать: она, кроме своего собственного удовольствия, ни о чем, кажется, не заботится...

Явление II

Входит Руфин.

Руфин (*тихим и почти робким голосом*). Доктор приедет, господин!

Бургмейер (*не взглядывая даже на него*). Когда?

Руфин. Скоро, господин! Он меня сначала спросил: «Господин Бургмейер, этот капиталист здешний?» – «Да!» – говорю. – «Ну так, говорит, скажите ему, что я буду; но я, говорит, для этого с дачи в город должен приезжать, а потому желаю с него получить тысячу рублей серебром за визит!..» Я хотел ему сказать: господин доктор, дорого это очень; не для одного же господина моего вы поедете, и далеко ли ваша дача от городу, но побоялся: он сердитый, надо быть, этакий!.. Лютый!.. При мне тут двух лакеев прогнал. «Я, говорит, Христа ради ваших господ лечить не намерен!»

Бургмейер (*слегка усмехнувшись при этом рассказе, а потом вынув из кармана ключ и подавая его Руфину*). В шкафу... на второй полке лежит отсчитанная тысяча. Вынь ее и дай мне.

Руфин довольно ловко и умело отпер этим ключом шкаф, вынул из него сказанную ему тысячу и, заперев снова шкаф, ключ вместе с деньгами подал с некоторым раболепством Бургмейер у, который то и другое небрежно сунул в боковой карман пальто своего.

Руфин (*все еще, видимо, занятый мыслью о докторе*). Ежели теперь господин доктор в десять таких домов съездит – это десять тысяч в день!.. Ни на каком деле, господин, таких барышей получить нельзя!

Бургмейер (*почти не слушавший его*). А об этих господах... как я тебе приказывал, ты расспрашивал там на дачах?

Руфин. О господине Мировиче и нашей Клеопатре Сергеевне?

Бургмейер. Да!

Руфин. Расспрашивал, господин!.. Очень бедно живут... Так... в маленькой лачужечке!..

Бургмейер. Но нельзя ли как поискусней денег им послать?

Руфин. Да где ж это?.. Сколько раз я, господин, им носил деньги – не берут!.. Народ они глупый, молодой.

Бургмейер. Или, по крайней мере, поста-

раться, чтобы занятье какое-нибудь приискать ему.

Руфин. Какое ж ему занятие, господин?.. Службу казенную он как-то все не находит!.. По коммерции ежели его пристроить? К нам он не пойдет!.. Гордость его велика! Покориться вам не захочет! Другим рекомендовать, – чтобы выговаривать после не стали. Человек он, надо полагать, ветреный, пустой!

Бургмейер. Но так бы и сказать кому-нибудь из наших знакомых коммерсантов, что он человек пустой, и чтобы ничего важного ему не доверяли, а что я секретно, будто бы это от них, стану ему платить жалованье.

Руфин. Кто ж на это, господин, согласится?.. Как, скажут, нам платить ему чужое жалованье и зачем нам пустой человек?

Бургмейер. Согласятся, может быть!.. Устрой как-нибудь, Симха, это, пожалуйста!

Руфин. Господин, служить вам готов!.. *(С несколько забежавшими из стороны в сторону глазами.)* Вот счета еще! Я заехал в два магазина! Мне их там подали!.. *(Подает Бургмейеру два счета.)*

Бургмейер *(взглянув на них).* Что это?..

Опять Евгения Николаевна на восемь тысяч изволила набрать?

Руфин (как-то странно усмехаясь). Ну да, дама молодая... Веселиться, наряжаться желает.

Бургмейер. Что ж такое наряжаться? Она в какие-нибудь месяцы сорок тысяч ухлопала!.. Притом я никаких особенных нарядов и не вижу на ней. Куда она их деваает? Изволь сегодня же объехать все магазины и сказать там, чтобы без моей записки никто ей в долг не отпускал; иначе я им платить не стану.

Руфин. Но, господин, не сконфузим ли мы ее этим очень? Вы бы ей прежде поговорили!..

Бургмейер. Я ей двадцать раз говорил и толковал, что я хоть и богат, но вовсе не привык, чтобы деньги мои раскидывали по улице или жгли на огне, так от нее, как от стены горох, мои слова; она все свое продолжает! Сегодня же объезди все магазины и предупредь их.

Руфин. Внизу там адвокат какой-то стоит и желает вас видеть.

Бургмейер. Какой адвокат?

Руфин. Не знаю, господин, я его в лицо никогда не видывал; видный этакий из себя мужчина, здоровый.

Бургмейер. Пригласи его.

Руфин уходит.

Явление III

Бургмейер (*один*). Странная игра судьбы! Маленьким мальчиком я взял к себе этого жидка Симху, вырастил его, поучил немного, и он теперь оказывается одним из полезнейших для меня людей и вряд ли не единственный в мире человек, искренно привязанный ко мне...

Явление IV

Входит Куницын. Он, кажется, несколько сконфузится и с необычайной развязностью раскланивается перед Бургмейером.

Куницын. Честь имею представиться, кандидат прав Куницын!

Бургмейер, не привставши с своего места, кивает ему молча головой.

Извините меня, что я беспокою вас!.. Но, сколько мне кажется... я все-таки являюсь к вам по делу, которое должно вас интересовать.

Бургмейер *(опять сухо)*. Прошу садиться.

Куницын *(садится и несколько овладевая собой)*. Надобно вам сказать-с, что я человек вовсе не из застенчивых; но бывают, черт возьми, обстоятельства, когда решительно не знаешь, следует ли что делать или не следует!

Бургмейер. Если не знаешь, так, я полагаю, лучше и не делать.

Куницын. Но не делать, пожалуй, в настоящем, например, случае, выйдет... как бы выразиться? – Не совсем правдиво, что ли, с моей стороны, а уж для вас-то навверняк очень

скверно будет!.. Дело это из ряду выходящее!.. В некотором роде романическое!

Бургмейер. Романическое даже!

Куницын. Очень романическое! И в предисловии к сему-с роману я должен вам объяснить, что года два тому назад, по моим финансовым обстоятельствам, которые, между нами сказать, у меня постоянно почти находятся в весьма скверном положении, я для поправления оных весьма часто бывал в маскарадах... распоряжался там танцами... Канканирую я отлично... Словом, известность некоторую получил. Только раз в одном из маскарадов подходит ко мне маска, богиней одетая. «Смертный, говорит, свободно ли твое сердце для любви?» – «Совершенно, говорю, свободно!» – «И может ли, говорит, тебе довериться любящее тебя существо?» – «Сколько, говорю, угодно, где угодно и когда угодно!» Затем она меня берет под руку, и начинаем мы с ней прохаживаться... Гляжу: ручка – прелесть!.. Знаете, точно из слоновой кости выточенная!.. Кожица на ней матовая, слегка пушком покрытая... Сама ручка тепленькая!.. Стан – тоже сільфида!.. Протанцевал я с ней канкан:

ножка божественная!.. Платьицем вертит восхитительно! Ну, думаю, лицом, может быть, рыло! Случались со мной такие примеры разочарования. Не желаете ли, говорю, прекрасная незнакомка, чтоб я ложу взял, где бы вы могли снять вашу маску и посвободней подышать? – «Нет, говорит, Пьер... (заметьте: прямо уж Пьером меня стала называть!)» Здесь очень многолюдно, уедем, говорит, лучше куда-нибудь!» – «Eh bien, madame![1]» – говорю, и отправились мы таким манером с ней в места прелестные, но уединенные: на Петровский бульвар. Здесь она сняла свою маску, – оказалось, что хоть немножко, как видно, подержанная особа, но все-таки чудо что такое: этот овал лица!.. Матовый тоже цвет кожи!.. Глаза большие, черные! Прямой носик! Очертание рта – восхищение!.. Так что я вам скажу: я влюбился в нее как дурак какой-нибудь набитый!

Бургмейер (заметно все с большим и большим вниманием слушавший Куницына). И когда же именно эта встреча ваша с этою госпожой была?

Куницын. Прошлого года еще осенью! Но

странней всего в этой, как сами вы видите, немножко странной любви было то, что гос-пожа эта никак не сказывалась, кто она та-кая: «Варвара Николаевна, Варвара Николаевна» – и больше ничего! Я, впрочем, об этом много и не беспокоился: было бы то, что природой и богом дано человеку, а титул и звание что такое? Звук пустой!.. Путаемся мы с ней таким делом около года... Только однажды, именно в самый Варварин день, сошлись мы с ней в той же гостинице... Вينيщем она меня на этот раз накатила по самое горло: понимаете, что как будто бы эта она именинница и потому угощает меня!.. Сама тоже выпила порядком: эти чудные глаза у ней разгорелись, щеки пламенеют тоже и, знаете, как у Пушкина это: «Без порфиры и венца!» – «Пьер, говорит, знай: я замужняя женщина! Муж мой миллионер!.. Я его ненавижу; но он все адресуется ко мне с нежностями, и я не могу быть вполне верна тебе. Спаси меня от этого унижительного положения: достань где-нибудь два фальшивые заграничные паспорта, мы бежим с ними за границу, а чтоб обеспечить себя на это путешествие, я

захвачу у мужа из шкатулки шестьсот тысяч». Мысль эта, грешный человек, на первых порах мне очень понравилась. С одной стороны, понимаете, ревность немножко во мне заговорила, а потом: бежать с хорошенькою женщиной за границу, поселиться где-нибудь в Пиренеях, дышать чистым воздухом и при этом чувствовать в кармане шестьсот тысяч, – всякий согласится, что приятно, и я неделю же обделал это дельцо-с: через разных жуликов достал два фальшивые паспорта, приношу их ей. Она сейчас же их в кармашек и таким каким-то мрачным голосом говорит мне: «На той неделе муж мой уедет; я выну у него шестьсот тысяч, и мы бежим с тобой!» Точно колом кто меня при этом по голове съездил, и я словно от сна какого пробудился; тут-то ей ничего не сказал, но прихожу домой и думаю: госпожа эта возьмет у мужа без его ведома и, разумеется, желания шестьсот тысяч, или, говоря откровеннее, просто его обокрадет, и я – ближайший сообщник этого воровства! Жутко мне сделалось... очень!.. Вам никогда не случалось думать, что вот вы через несколько дней должны украсть

что-нибудь?

Бургмейер (слегка усмехаясь). Нет-с, благодаря бога, не случилось!..

Куницын. Скверная, я вам скажу, штука это, – отвратительная! Так что всю ночь я вертелся, а на другой день не вытерпел, побежал на условленное место свидания. «Ангел мой, говорю, плюнь, брось все это!.. Дело это неподходящее!..» Она этак сердито на меня воззрила, все лицо у ней даже при этом как-то перекошилось. «Так, говорит, ты так-то меня любишь!» – «Но, ангел мой, говорю, ведь это проделка мало что уж совсем подлая, но даже не безопасная: нас, как воров, и за границей найдут и притянут сюда.» – «Вздор, говорит, ты трус, всего боишься!» Я, делать нечего, съездил за законами, показываю ей. Ничему не внемлет и из-за злости-то еще проговорила: «Если, говорит, ты не хочешь, так я и другого найду!» – и с тех пор скрылась от меня: ни слуху ни духу!

Бургмейер (снова как бы с усмешкой). Все это, конечно, весьма любопытно; но почему ж вы думаете, что меня это лично должно интересовать?

Куницын. Очень просто-с, потому что особа эта, о которой я сейчас имел честь докладывать вам, должна вас лично заинтересовать, что и узнал я совершенно случайно: иду я раз мимо вашего дома... Что он вам принадлежит и что с вами живет некая молоденькая барынька, я знаю это от известного вам человека, приятеля моего Мировича... Иду и вижу, что в коляске подлетает к вашему дому какая-то госпожа... прыг из экипажа и прямо в парадную дверь... Я заглянул ей под шляпку... Батюшки мои, это моя Варвара Николаевна!

Бургмейер *(удивленный и пораженный).* Как? Варвара Николаевна ваша?.. Ко мне?.. В дом?..

Куницын. Она самая-с! И я сначала, признаться, подумал, что не в гости ли она приехала к вашей этой мамзельке... Гостятся они иногда между собой... Подхожу к кучеру и спрашиваю: какую это даму ты привез к господину Бургмейеру? – «Это, говорит, его экономка». Сомнения тут рассеялись, завеса с глаз пала. Опешил, я вам скажу, сильно. Главное, не знаю, как тут быть: с одной стороны, бабенка молоденькая, хорошенькая, любил

тоже ее – как ее выдать?.. Жалко!.. А с другой стороны, знаю, что по характеру своему она непременно какого-нибудь другого плута подберет, они обокрадут вас, и она потом головой может поплатиться за это. Думал-думал я и пошел к этому другу моему Мировичу. Он малый этакий благороднейший, умный... Рассказываю ему и спрашиваю, как я должен поступить? Он-то, знаете, растерялся сначала, «По-моему, говорит, тебе следует идти к господину Бургмейеру, прежде всего связать его обещанием, что он судом эту госпожу не станет преследовать, а потом открыть ему все. Нельзя же, наверное зная, попускать, чтобы человека обокрали и, кроме того, этой не Варваре Николаевне, как она тебе сказывалась, а Евгении Николаевне не мешает дать хороший урок, так как она, по всему видно, негодяйка великая». Что я и исполнил.

Бургмейер (*сильно смущенный*). Очень вам благодарен; но я в первый раз имею честь вас видеть, а потому чем же вы можете подтвердить справедливость того, что передали мне?

Куницын. Ей-богу, уж не знаю чем. Всего лучше поищите у ней в бумагах паспортов

этих на французскую подданную Эмилию Журдан и бельгийца Клямеля.

Бургмейер (*нахмутив брови*). Вы думаете, что они у ней целы?

Куницын. Думаю-с и полагаю даже, что если она еще не нашла кого-нибудь другого на место меня, так приискивает. Вы, как найдете у ней эти паспорта, так сейчас мне их возвратите: я им рванцы задам немедля, а то, черт, попадешься еще с ними, да и эту Евгению Николаевну, что ли, судом уж не преследуйте, — это для меня важнее всего!

Бургмейер. Вы поставили это условием открытия вашей тайны, и я его выполню.

Куницын. Пожалуйста... До приятного свидания.

Бургмейер (*подавая ему руку*). До свидания. Если сказанное вами подтвердится, то я сочту себя обязанным поблагодарить вас некоторою суммой денег.

Куницын (*сначала очень обрадованным голосом*). Хорошо-с, недурно это!.. (*Подумав немного.*) Только, знаете, не будет ли это похоже на то, что как будто бы я продал вам эту госпожу вашу?

Бургмейер. Где же вы ее продали? Вы, как сами это хорошо назвали, по чувству справедливости поступили так.

Куницын (*очень довольный таким объяснением*). Конечно-с... конечно!.. Говоря откровенно, я, идучи к вам, смутно подумывал, что не следует ли господину Бургмейеру заплатить мне тыщонку – другую, потому что, как там ни придумывай, а я спасаю ему шестьсот тысяч. Всякий человек, я вам скажу, внутри себя такая мерзость и скверность! Buona sera, signor![2] (*Раскланивается и уходит.*)

Явление V

Бургмейер. Предчувствие мое, что эта госпожа совсем потерянная женщина, сбылось. (*Дергает за сонетку.*)

Является лакей.

(*Ему.*) Евгении Николаевны, по обыкновению, дома нет?

Лакей. Никак нет-с. Они уехать изволили.

Бургмейер. Позови ко мне Симху!

Лакей. Он тоже ушел, – его нет!

Бургмейер. Ну, все равно, ты!.. Возьми плотника, поди с ним в комнату Евгении Ни-

колаевны и разломай там все ящички в столах и комодах и принеси их сюда.

Лакей стоит в недоумении.

Что ж ты стоишь?.. Слов моих не понимаешь? Поди, сломай без всяких ключей все ящички с бумагами Евгении Николаевны и принеси их мне!

Лакей уходит, сильно удивленный.

Если я не найду этих паспортов, Евгения непременно запирается будет!.. Не дальше еще, как третьего дня, жаловалась на мою холодность и уверяла меня в своей любви, а сама в это время яд, быть может, готовила, чтоб умертвить им меня и захватить мои деньги!.. Ништо мне, старому развратнику, ништо!.. Увлёкся легкостью победы и красотой наружности, забыв, что под красивыми цветами часто змеи таятся! *(Подходя к дверям и с нетерпением крича.)* Что же вы там? Точно бог знает что им сделать надо!

Голос лакея: «Сейчас – несем-с!»

Бургмейер. Где же это сейчас, хорош у них сейчас!

Лакей и плотник вносят каждый по два ящичка.

Бургмейер (начиная торопливо рыться в одном ящике). Тут нет!.. (Ищет в другом ящике.) И тут тоже!.. (Плотнику.) Дай мне твои ящики... Что вахлаком-то стоишь?

Плотник подает.

(Разом ища в обоих ящиках и вдруг, побледнев даже, восклицает.) Они, кажется!.. Так и есть!.. (Вынимая из ящика две бумаги и потрясая ими в воздухе.) Вон они, мои сокровища!.. (Кладет бумаги себе в карман.) Ну, уж она теперь у меня не увернется, шалит!.. (Обращаясь к лакею и плотнику, в недоумении смотревших на него.) Отнесите все это назад и бросьте на пол!..

Лакей. И ящиков в столы не двигать-с?

Бургмейер. Говорят тебе: на пол все раскидать!

Лакей (плотнику). Пойдем!

Уносят ящики.

Явление VI

Бургмейер. Не увернется она теперь у меня – нет! Приехала, слышу, и прямо, видно, на лакея наткнулась!.. Ну!.. Заорать изволила!..

Из дальних комнат действительно слышались крики Евгении Николаевны: «Что это такое?.. Как вы смели?.. Вы – воры, разбойники после того!..»

Какова тигрица?.. Какова гиена из той кротости, которую прежде представляла из себя! Ко мне, вероятно, сейчас явится объясняться и гневаться!.. Милости прошу, пожалуйста!

Явление VII

Входит Евгения Николаевна, вся раскрасневшаяся и с какими-то взбившимися на висках волосами. С тех пор, как мы ее не видали, она пополнила и подурнела.

Евгения Николаевна (*прерывающимся от гнева голосом*). Александр Григорьич, у меня разломаны все ящики в комнате, и, говорят, что вы их приказали разломать.

Бургмейер (*по наружности спокойным тоном*). Да!.. Я их приказал разломать.

Евгения Николаевна. Но для какой цели – интересно было бы знать? Любовной переписки моей с кем-нибудь вы искали?

Бургмейер. Вероятно, нашел бы и любовную переписку, но я не ее искал, а другое; и то, что мне нужно, я нашел!

Евгения Николаевна. Что такое вы нашли?

Бургмейер. Нашел два заграничных, фальшивых паспорта, и теперь уж они у меня... в кармане!.. (*Показывает себе на карман.*) Вы их выправили, чтоб, обокравши меня, бежать с ними за границу.

Евгения Николаевна (*еще более краснея в лице и вместе с тем как бы сильно удивленная тем, что слышит*). Обокрасть вас?.. Бежать за границу?.. С фальшивыми паспортами?.. Вы с ума, наконец, сошли?.. У меня действительно валялись какие-то два заграничных паспорта, которые я случайно подняла на улице и спрашивала кой-кого из знакомых, что мне с ними делать.

Бургмейер. На улице вы их подняли?!. Послушайте, Евгения, можно быть развратною женщиной!.. Иметь из-за старого любовника молодого!.. Красивого!.. Желать этого старого покинуть и обокрасть!.. Все это еще понятно! Но думать, что ты этого старого дурака можешь еще продолжать обманывать и уверишь его, в чем только пожелаешь, – это уж глупо с твоей стороны.

Евгения Николаевна. Нельзя же молчать, когда взводят такие клеветы!.. Я какой-то злодейкой, героиней французского романа являюсь в ваших словах!.. Кто мог, с какого повода и для чего навывдумывать на меня пред вами столько – понять не могу! (*Отворачивается и старается не смотреть на Бургмейера.*)

Бургмейер. Это мне все рассказал ваш бывший любовник Куницын, который и достал вам два фальшивых паспорта, чтобы бежать вместе с вами за границу.

Евгения Николаевна (сохраняя более оскорбленный, чем сконфуженный вид). Какой-то еще Куницын любовником моим стал, – только этого не доставало!

Бургмейер. Однако вы этого какого-то Куницына знаете?

Евгения Николаевна. Да, я встречалась с одним Куницыным в обществе.

Бургмейер. Полно, в обществе ли? Не в уединении ли где-нибудь, в трактирных номерах, например!..

Евгения Николаевна (захохотав уже неискренно). Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Чем дальше, тем лучше! Но допустим, что Куницын мой любовник!.. Что я где-то там видалась с ним и что он достал два паспорта!.. Для чего же, однако, Куницыну идти рассказывать вам все это про себя?

Бургмейер. Для того, что он не так еще, видно, развращен, как вы! Сам устыдился этого поступка своего!.. Кроме того, ему посовето-

вал это сделать один честный приятель его!..

Евгения Николаевна (*прерывая его*). И приятель этот Мирович, конечно?

Бургмейер. Мирович – да!

Евгения Николаевна (*опять злобно захотав*). Ха-ха-ха!.. В сущности, это не Мирович, а жена ваша! Мне странно: вы, Александр Григорьевич, считаетесь еще умным человеком, а такой простой лжи и выдумки понять не могли! Жене вашей, конечно, приятно поссорить нас и разлучить...

Бургмейер (*перебивая ее и сильно раздраженным голосом*). О жене моей не смей ты и говорить своим богомерзким языком!

Евгения Николаевна (*тоже выходя из себя*). Ах, этого вы мне никак не можете запретить! Никак! Я мало, что вам говорю, но и поеду и скажу еще ее любовнику!.. Пусть и он знает, как она его любит!.. Если она сама сделала против вас проступок, так не смей, по крайней мере, других чернить в том же.

Бургмейер (*тем же голосом*). Кто ж тебя может очернить? Кто?.. Когда ты сама себя очернила кругом! Когда черна твоя душа и сердце!

Евгения Николаевна. Прекрасно!.. Благо-родно!.. И для кого же это я очернила себя? Я, кажется, для вас первого пала! И у вас, бесстыжий человек, достаёт духу кидать мне этим в лицо!.. *(Начинает плакать.)* Это, конечно, одна только бедность моя даёт вам смелость наносить мне такие оскорбления!.. Как, однако, ни мало имею, но лучше обреку себя на голод и нищету, а уж не стану переносить подобного унижения.

Бургмейер. Голодом и нищетой вашей вы меня не поражайте! Кроме собственного вашего капитала, который устроился в делах моих, и тех денег, которые я платил за вас по магазинам и которые шли собственно не на наряды ваши, а переходили вам в карман, – это я тоже знаю и замечал! – но я даже дам вам возможность обокрасть меня!.. *(Подходя к шкафу и указывая на него.)* Вы думали, что тут шестьсот тысяч... Их даже больше тут; но вы бы могли из них воспользоваться только десятью тысячами, потому что остальные положены на мое имя!.. *(Торопливо и дрожащими руками отпирая шкаф и вытаскивая оттуда огромную пачку денег.)* Нате вам эти

деньги!.. Возьмите их. *(Кидает деньги почти в лицо Евгении Николаевне, которая как бы случайно ловит их в руку. Продолжает уже бешеным голосом.)* Только сейчас же и вон из моего дома!.. Ни минуты не оставаться!.. Иначе я велю вас выгнать моим лакеям... *(В одно и то же время дергает за сонетку и кричит.)* Эй, люди!

Евгения Николаевна *(немного уже и струсив).* Ты в самом деле, видно, совсем рехнулся. Лакеев своих еще призывать выдумал... Я сама вспыльчива: я тебе все глаза выцарапаю и в лицо тебе наплюю, дурак этакий. Подлец! Свинья! Козел старый!.. *(Идет к дверям.)*

Входит поспешно лакей.

Бургмейер *(показывая ему на уходящую Евгению Николаевну).* Эта вот госпожа уезжает; вынести вслед за ней куда-нибудь в номер и вещи ее. Чтобы синя пороха, ничего ее здесь не оставалось. И не пускать ее потом ни в дом ко мне, ни в кухню, ни в конуру, даже к подворотной собаке моей!

Лакей *(слегка улыбаясь).* Слушаем-с, не станем пускать... Господин доктор к вам приехал.

Бургмейер *(не расслышавший его и обращаясь к публике)*. Лгать этой мерзавке так же легко, как пить воду, и никакого стыда при этом... В безделице я уличал ее? В покушении на воровство! Если бы даже это неправда была, так она, как женщина, должна была бы смутиться перед одним ужасом такого обвинения – ничего!! В какое, господи, время мы живем!..

Лакей. Господин доктор идет, Александр Григорьич.

Бургмейер *(услышав, наконец, его)*. Кто?

Лакей. Доктор приехал-с и идет к вам.

Бургмейер. Пусть идет!.. Бог какой и царь прибыл! *(Садится и начинает нервно постукивать ногою.)*

Явление VIII

Входит доктор Самахан, рябой, косой, со щетилистыми черными волосами и вообще физиономией своей смахивающий несколько на палача. Лакей почтительно перед ним сторонится и уходит.

Самахан *(нагло и надменно взглядывая на Бургмейера)*. Вы хозяин дома и больной?

Бургмейер *(мрачно)*. Точно так-с.

Самахан. Желаете, чтоб я вас исследовал?

Бургмейер. Если нужно это.

Самахан. Конечно, нужно. Вы не лошадь, чтобы вас зря лечить... *(Берет стул, садится против Бургмейера и первоначально смотрит на него некоторое время внимательно, а потом довольно грубо прикладывает большой палец свой к одному из век Бургмейера, оттягивает его и как бы сам с собой рассуждает.)* Существует малокровие и заметно несколько усиленное отделение желчи... *(Затем, откинувшись на задок стула, Самахан начинает уже спрашивать Бургмейера.)* Сколько вам от роду лет?

Бургмейер. Сорок восемь.

Самахан. Не имеете ли вы каких-нибудь ярких и в определенной форме выраженных болей?

Бургмейер. У меня голова очень часто болит, почему я послал за вами. Я страдаю тик-дулуре...

Самахан *(насмешливо)*. Представьте мне это определить, тик ли у вас дулуре или что другое. Не подвержены ли вы некоторым дурным физическим склонностям, то есть не пьянствуете ли, не обжираетесь ли, не очень ли много забавляетесь с женщинами?

Бургмейер. Я никаких таких склонностей не имею.

Самахан *(с полной уже важностью)*. Так-с. Извольте встать на ноги.

Бургмейер встает.

(Прикладывает ухо к его груди, но потом тотчас же в удивлении отступает от него.) Что это у вас за страшное трепетание сердца? Меня, что ли, вы перепугались так?

Бургмейер. Нет-с, я на прислугу свою сейчас только очень рассердился.

Самахан *(презрительно улыбаясь)*. Стоило, признаюсь!.. В груди я ничего, кроме этого, не

вижу дурного. Лягте на диван.

Бургмейер не совсем охотно ложится.

(Став перед Бургмейером.) Согните немного ваши ноги. (Начинает его поколачивать по животу вынутым из кармана молоточком.)

Бургмейер слегка при этом вскрикивает.

(Опять усмехаясь). Нежны уж очень, чувствительны. В животе тоже никаких нет страданий. Повернитесь спиной вверх.

Бургмейер совершенно уже нехотя поворачивается. Самахан большим пальцем проводит по всему его позвоночному столбу. Бургмейер уже закричал.

Самахан. Где вы почувствовали боль: в одном ли каком позвонке или во всем позвоночном столбу?

Бургмейер *(вставая и, видимо, не желая себя давать более исследовать).* Во всем... Вы чуть не сломали мне спины.

Самахан. Не вдруг ее сломаешь. Крепка еще она. Боль вы чувствовали оттого, что я вас сильно давнул пальцем. Сядьте теперь.

Бургмейер садится и почти не смотрит на доктора.

Самахан *(тоже садясь).* И извольте слу-

шать, что я буду говорить. По утрам вы чувствуете желание кислого и жажду...

Бургмейер. Это я чувствую; кроме того...

Самахан (*перебивая его*). Чувствуете потом желание быть скорее на воздухе...

Бургмейер. Может быть-с! Но, как я сказал вам, сверх того я...

Самахан (*закричал на него*). Пожалуйста, не прерывайте меня!.. Вы достаточно уже говорили, позвольте мне... Я без всяких ваших кроме того знаю, что у вас: болезнь ваша есть собственно малокровие и сопряженное с ним нервное расстройство. Лечение для вас должно состоять: ешьте больше мяса, будьте целый день на воздухе да и на прислугу вашу поменьше сердитесь.

Бургмейер. Я бы прежде всего желал, чтобы вы меня от тик-дулуре избавили.

Самахан (*передразнивая его*). Тик-дулуре! Тик-дулуре какой-то затвердил! Весь ваш тик-дулуре есть результат того же малокровия и по форме своей не что иное, как маскированная лихорадка. Я пропишу против нее вам мышьяку... (*Поднимается с своего стула.*)

Бургмейер (*восклищая*). Как мышьяку-с?

Самахан. Так мышьяку... *(Садится за письменный стол и пишет.)* Отравить, вы думаете, я вас хочу? Всякий яд зависит от степени концентричности, и кофе – яд, однако вы пьете его каждый день... *(Вставая из-за стола и показывая на рецепт.)* Принимать, как тут сказано... *(Берется за шляпу.)*

Бургмейер тоже встает и подает доктору приготовленную для него тысячу.

(Кладя деньги в карман.) Благодарю!

Бургмейер. Потрудитесь, доктор, и рецепт ваш взять назад: я по нем принимать не стану.

Самахан *(рассмеявшись).* Что ж вы мышьяку, вероятно, испугались?

Бургмейер *(с волнением в голосе).* Нет, я не того испугался!.. Я испугался еще, когда вы ранее велели мне сказать, что желаете получить с меня тысячу рублей! Врачу, который так относится к больным, я не могу доверять.

Самахан *(насмешливо взглядывая на Бургмейера).* А как же, вы думаете, я должен был бы относиться? Меня тысячи людей требуют в день, и чем же, при выборе, могу я руководствоваться? Кто мне дороже даст, к тому я и

еду.

Бургмейер *(с возрастающим волнением)*. При выборе, я полагал бы, что вы должны ехать и спешить туда, где больной опасней и серьезней болен.

Самахан *(заметно обозлясь)*. Скажите, какой новый моралист выискался: только вам-то бы, господин Бургмейер, меньше, чем кому-либо, пристало быть проповедником... Ежели я получаю много денег и получаю... не скрываю того... несколько грубо и с насилем, то мне дают их за мое докторское провидение, за то, что я... когда вы там... я не знаю что... в лавке ли у родителей торговали или в крепостной усадьбе с деревенскими мальчишками играли в бабки, я в это время учился, работал!.. Но чем вы-то, какими трудами и знаниями нажили ваши миллионы, спросите-ка вашу совесть и помолчите лучше! А по рецепту моему я советую вам принять! Мышьяк, вероятно, вам поможет. *(Кивает слегка хозяину головою и, в комнате еще надев шляпу, уходит.)*

Явление IX

Бургмейер (*оставшись один и в совершенно озлобленном состоянии*). Поможет, я думаю! Какое, однако, приятное положение: к помощи доктора я не могу даже отнестись с полным доверием, потому что каждому из этих шарлатанов, конечно, гораздо приятнее протянуть мою болезнь, чем вылечить, да еще дерзости от них выслушивай! Вот вы все, жаждущие и ищущие миллионов, придите, полюбуйте на меня и посмотрите, какие великие наслаждения дают мне эти миллионы! Я перестал даже быть человеком для прочих людей, а являюсь каким-то мешком с деньгами, из которого каждый, так или иначе, ожидает поживиться! Куда бы я ни устремился, чего бы ни пожелал, что бы ни полюбил — всюду, на всех путях моих, как враги недремлющие, стоят эти деньги, деньги и деньги мои! А в конце концов, когда умру, так и оставить их еще некому, кроме дурака Симхи! Жене ежели завещать, так примет ли еще она их? Кроме того, она все-таки бросила меня, осрамила на весь мир. Но не сам ли я толкнул

ее на то?.. Нет!.. Видит бог, я не желал этого!.. Я сказал ей тогда, думая, что она, для спасения нашего общего благосостояния, похитрит только с Мировичем, позавлечет его: он исполнит ее желание... Кто ж ожидал, что она сама влюблена в него до такой степени и что просьба моя в одно и то же время оскорбит ее и обрадует! Когда она пришла при мне к Мировичу, я глупо, конечно, сделал, что не увел ее насильно от него, хоть бы даже за руку... Но разве бы она послушалась меня? Характер у нее тоже не из покорных!.. Вышел бы еще, пожалуй, большой скандал!.. Главная вина моя в том, что я слишком заботился собирать те сокровища, которые и тать ворует и тля поедает, но о другом-то мало помышлял, и потому доктор прав: не мне кого-либо осуждать... Жена как хочет потом, но я с своей стороны дело сделаю... Симха!.. Позовите его ко мне!

Явление X

На этот зов вбегают Руфин.

Бургмейер. Где ты все бываешь?.. Точно не знаешь, что ты один у меня!

Руфин. Я, господин, ходил об господине Мировиче хлопотать, и компания «Беллы» берет его, чтоб он уехал только в Америку. «Мы, говорит, его знаем: он человек честный, а нам честного человека там и надо!»

Бургмейер (*побледнев даже*). Вот еще хорошо выдумал! Тогда Мирович совсем уже увезет у меня жену, не узнаешь, где и будет она!

Руфин (*с лукавством*). О, нет, господин, не увезет! Не на что будет увезть, да и Клеопатра Сергеевна не поедет с ним!.. (*Таинственно.*) Все ссорятся, говорят, теперь!..

Бургмейер (*почти довольным голосом*). В чем же они ссориться могут?

Руфин. От бедности! В бедности, господин, все кажется, что тот и другой нехорошо делают.

Бургмейер. Неужели же, Симха, Клеопатра Сергеевна и после смерти моей ничего не захочет получить от меня?

Руфин. Не знаю, господин, этого, не знаю...

Бургмейер. Впрочем, это все равно!.. Позови какого-нибудь поумней нотариуса!.. Я хочу написать духовную, и тебя я тут обеспечу... вполне обеспечу...

Руфин (*целуя Бургмейера в плечо*). Благодарю вас, господин... (*Постояв некоторое время и переминаясь с ноги на ногу*.) Я еще, господин, просьбу мою приношу к вам: на Евгению Николаевну вы изволили теперь разгневаться!.. Изволили удалить ее от себя!.. Что же теперь вам в ней?.. Не позволите ли, господин, мне жениться на ней?

Бургмейер (*сильно удивленный*). Тебе?.. На Евгении Николаевне?..

Руфин (*смешавшись немного*). Да, господин!.. Теперича она встретилаась мне: «Господин Руфин, говорит, если вы желаете, то можете жениться на мне!»

Бургмейер (*со сверкнувшим гневом в глазах*). С какого же повода она могла сказать тебе это?.. Стало быть, ты прежде говорил с ней что-нибудь подобное?

Руфин (*покраснев в лице*). Как же я, господин, мог говорить с ней?..

Бургмейер. Но отчего же у тебя глаза забегали и все лицо твое загорелось заревом?

Руфин. Господин, я очень боюсь, что не прогневал ли вас совершенно!

Бургмейер (*берет себя за голову*). Теперь, кажется, все начинает для меня проясняться!.. (*Показывая публике на Руфина.*) Он поэтому... взят был Евгенией вместо Куницына, и вот почему он так всегда умиротворял меня по случаю разных долгов ее!.. И я таким образом совсем уж кругом был в воровской засаде... (*Повертывается вдруг к письменному столу, проворно берет с него револьвер, подходит с ним к Руфину, хватает его за шиворот и приставляет ему ко лбу револьвер.*) Говори: ты был любовником Евгении Николаевны?

Руфин (*дрожа*). О, нет, господин!

Бургмейер (*почти с пеной у рта*). Говори! Иначе я тебя, как собаку, сейчас пристрелю, если ты хоть минуту станешь запираяться...

Руфин (*склоняясь было на колени*). Виноват, господин, я только влюблен в нее был и глазки ей делал.

Бургмейер (*не давая ему стать на колени и продолжая держать его за шивороток*). А

обокрасть меня сбирался вместе с нею и бежать за границу?.. Признавайся, или я немедленно спущу курок!

Руфин (*совсем потерявшись*). Это она, господин, говорила мне: «Уедем, говорит, и возьмем из этого шкафа деньги!» – «Зачем, говорю, у вас свой капитал есть!»

Бургмейер (*тряся его*). Отчего ж ты мне не сказал об этом и не предупредил меня?.. Я тебя от голодной смерти спас!.. Я тебя вырастил... воспитал!.. Я хотел тебя сделать наследником моего состояния, а ты вошел в стачку с ворами, чтоб обокрасть меня! Убивать я тебя не стану: из-за тебя в Сибирь не хочу идти!.. (*Бросает в сторону револьвер и кричит.*) Люди! Люди!

Вбегают лакеи.

Бургмейер (*почти швыряя им в руки Руфина*). Посадить его в каземат, в подвал!.. И полицию ко мне скорее. Полицию!..

Руфин (*едва приходя в себя*). Господа лакеи! Господин повышибал мне зубы!.. Окровавил меня!.. (*Плюет себе на ладонь и показывает ее лакеям.*) Вот же кровь моя!

Бургмейер (*с неистовством*). Тащите его

сию же минуту!

Лакеи тащат Руфина. Он продолжает восклицать: «Господин окровянил меня!.. Я буду жаловаться на него!»

Явление XI

Бургмейер (*один*). И этот обманул меня!.. У каждого из поденщиков моих есть, вероятно, кто-нибудь, кто его не продаст и не обокрадет, а около меня все враги!.. Все мои изменники и предатели! Мне страшно, наконец, становится жить! На кинжалах спокойно спать невозможно. Мне один богом ангел-хранитель был дан – жена моя, но я и той не сберег!.. Хоть бы, как гору сдвинуть, трудно было это, а я возвращу ее себе... (*Громко кричит.*) Кто там есть!.. Введите ко мне опять этого Симху.

Явление XII

Два лакея вводят Руфина под руки.

Он дрожит, как осиновый лист, между ними.

Бургмейер (*Руфину*). Послушай, мошенник!.. Я думал сто тысяч истратить на то, чтобы сослать тебя на каторгу!.. Но я все тебе прощу!.. Все! Понимаешь?.. Я позволю тебе жениться на Евгении Николаевне, даже дам тебе приданое за ней, только разлучи ты Мировича с моей женой и помири ты меня с нею.

Руфин (*сейчас же оправившийся и совсем как бы не битый*). Господин!.. Но как же мне сделать то, я не знаю.

Бургмейер. Врешь, врешь!.. Ваша жидовская порода через деньги миром ворочает, а ты неужели не можешь помирить меня ими с одной женщиной?

Руфин (*видимо начинающий кое-что сообщать по этому предмету*). Позвольте, господин!.. Теперь господин Мирович, может быть, уедет в Америку; он сам вам оставит Клеопатру Сергеевну.

Бургмейер. Да не поедет он, пойми ты это! Ведь у него не твоя подлая душа, чтобы за деньги продать любовь свою!

Руфин (как бы с некоторым остервенением даже). А тогда я скуплю его сохранную расписку. Я видел на две тысячи его расписку, я куплю ее и посажу его в тюрьму ею...

Бургмейер (смотря в упор на Руфина). Расписку? В тюрьму?.. (Отворачиваясь потом от Руфина и махая рукой.) Скупай! Сажай!.. Он больше чем свободу отнял у меня. Он отнял счастье и радости всей моей жизни, – сажай!

Руфин (совсем отпущенный лакеями и поднимая пред публикой обе руки). Посажу!

Занавес падает.

Действие четвертое

Внутренность избушки дачной в Зыкове. На одной стороне сцены дрянной письменный столик с некрашеным деревянным стулом перед ним, а на другой – оборванный диванишко.

Явление I

Мирович *(с сильно уже вылезшими волосами, в очень поношенном пальто и в зачищенных сапогах, в раздумье шагая по комнате)*. Что хочешь, то и делай: ни за дачу заплатить нечем, ни в городе нанять квартиры не на что, а службы все еще пока нет! Сунулся было попроситься в судебное ведомство, – прямо дали понять, что я увез у богатого подрядчика жену и за это промиротворил ему. Каким же образом дать такому человеку место? Впрочем, нашлась какая-то сердобольная компания «Беллы». Сама, неизвестно с какого повода, прислала вдруг приглашение мне, что не желаю ли я поступить к ней на службу с тем, чтоб отправиться в Америку: «Вы-де че-

ловек честный, а нам такого там и надобно»...
(Грустно усмехаясь.) Очень благодарен, конечно, за такое лестное мнение обо мне, но все-таки этого места принять не могу. Если бы один был, то, разумеется, решился бы, а тут где? У меня на руках женщина, и здесь еле перебиваемся, а заедешь в неизвестную страну, рассоришься как-нибудь с компанией и совсем на голой земле очутишься. Да. Стоит человеку шаг только один неосторожный сделать, так уж потом ничем его не поправишь: ни раскаянием, ни готовностью работать, трудиться – ничем. Сгинь и пропадай он совсем. Однако что же я? Пора корректуру поправлять... *(Снова с грустной усмешкой.)* Корректором уж сделался, а то хоть с голоду умирай... *(Подходит к письменному столу, садится за него и начинает заниматься.)*

Явление II

Входит кухарка, толстая, безобразная, грязная старуха и порядком пьяная. Выйдя на середину комнаты, она останавливается, растопыря ноги.

Кухарка. Барин, а барин!

Мирович (*не глядя на нее*). Что тебе?

Кухарка. Тебя барин какой-то с барыней спрашивают.

Мирович (*все-таки не глядя на нее*). Меня?

Кухарка. Да, тебя. Он словно не русский. Черномазый такой, как цыган, а барыня с ним – та русская.

Мирович. Что такое русская, не русский? А Клеопатра Сергеевна дома?

Кухарка. Нету-ти, не приехавши еще. Они не Клеопатру Сергеевну спрашивают, а тебя.

Явление III

Во входных дверях показываются Евгения Николаевна, в прелестной шляпке и дорогом шелковом платье, и Руфин, тоже в новом фраке, при золотой цепочке, в белых перчатках и с новенькою пуховою шляпой в руках.

Кухарка (показывая им пальцем на Мировича). Вон он сидит сам!.. (Поворачивается и хочет уйти, но не попадает в двери, стучается головой в косяк и при этом смеется.) Не попала!.. (Откидывается в другую сторону и произнеся при этом.) Тела, стой, не разъезжайся! (Уходит.)

Мирович, поднявши при этом голову и увидя перед собой Евгению Николаевну и Руфина, приходит в удивление и привстает с своего места.

Евгения Николаевна (любезным и развязным тоном). Вы, Вячеслав Михайлыч, никак уж, конечно, не ожидали меня видеть.

Мирович (пожимая плечами). Признаюсь, не ожидал.

Евгения Николаевна (выходя на авансцену). Я знала, что Клеопатры Сергеевны дома

нет. Нарочно так и приехала лично к вам... (Показывая на Руфина.) Рекомендую, это муж мой Руфин.

Мирович (еще с большим удивлением). Муж ваш?

Евгения Николаевна (несколько сконфузившись). Да, мы третьего дня только обвенчались.

Мирович (всматриваясь в Руфина). Я немного знаком с вами. Вы поэтому окрестились?

Руфин. Окрестился. Господин Толоконников был моим восприемником. (Слегка улыбаясь.) Я уж теперь Семион Измаилыч называюсь, по папеньке моему крестному.

Мирович. И денежную награду, вероятно, за это получите?

Руфин. Получу; пятьдесят рублей, говорят, дают. Я получу.

Мирович. Конечно. Зачем же терять? А у господина Бургмейера вы продолжаете еще быть приказчиком?

Руфин. Нет, я сам по себе живу.

Мирович. То есть как же? Как и тогда же сами по себе жили?

Руфин. Нет, теперь уж я совсем не у него.

Евгения Николаевна (*сильно волновавшаяся от всех расспросов Мировича и перебивая мужа*). Мы в совершенно отдельном доме живем. У мужа никаких даже дел нет от Бургмейера, кроме самых незначительных и, между прочим, вашего дела.

Мирович. Какого это моего дела?

Евгения Николаевна. Сейчас расскажу. Но вы, однако, позвольте нам поприсесть у вас. Сами вы нас не приглашаете к тому. (*Мужу.*) Садись.

Руфин сейчас же сел на один из стульев и только никак не мог сладить со своими неуклюжими и вдобавок еще в перчатки затиснутыми руками. Сама Евгения Николаевна, с чувством брезгливости смахнула с дивана пыль, уселась на него, вынула из кармана своего платья очень красивую папиросницу, взяла из нее спичку и папироску и закурила. Во всех манерах Евгении Николаевны, вместо прежней грациозной женщины, чувствуется какая-то чересчур уж разбитная госпожа, так что, усевшись, она сейчас же выставила из-под платья свою красивую ботинку и начала

ею играть. Мирович также опустил на свой стул.

Евгения Николаевна *(как-то в сторону и наотмашь, попыхивая своею папирочкой)*. Прежде, Вячеслав Михайлыч, вы, как мне казалось, по крайней мере верили в мою дружбу, но теперь, я боюсь, вы разочаровались немножко во мне.

Мирович. Отчасти-с.

Евгения Николаевна. Очень жаль. Но настоящий визит мой, впрочем, надеюсь, опять убедит вас несколько в ней. Что я жила в доме у Александра Григорьича Бургмейера и что в последнее время рассорилась с ним, вы, конечно, знаете.

Мирович. Да-с, я слышал это.

Евгения Николаевна. И слышали тоже, что Бургмейеру ваш приятель Куницын, который бог знает каким лгуном уж тут является, наплел на меня целую ахинею. Бургмейер сначала всему верил, но теперь, кажется, несколько поколебался... *(С иронической улыбкой.)* Так что, даже наградивши меня маленьким приданым, постарался пристроить за своего бывшего управляющего, как обык-

новенно старые богатые вельможи делали.

Мирович при этом презрительно улыбнулся.

Евгения Николаевна (*заметив это*). Что Куницын по своей ветрености способен все сделать, мне не удивительно, но говорят, будто бы он — что меня очень уж поразило — явился к Бургмейеру по вашему, между прочим, совету. Правда это или нет?

Мирович (*подхватывая*). Совершенная правда!

Евгения Николаевна (*несколько опешенная этим*). Вас, впрочем, я тут много не виню: вы сами, вероятно, были введены в обман, потому что я очень подозреваю, что всю эту историю выдумала и заставила Куницына рассказать ее Бургмейеру, собственно, ваша Клеопатра Сергеевна!

Мирович (*уже строгим голосом*). Как-с Клеопатра Сергеевна?

Евгения Николаевна. Почти уверена в том и сделала это затем, что сама желает воротиться к мужу. Этим словам моим вы, конечно, не поверите.

Мирович (*тем же голосом*). Вы не ошиб-

лись!.. Я всем даже словам вашим совершенно не верю!..

Евгения Николаевна. Ваше дело, хотя я в то же время опять должна сказать, что про Клеопатру Сергеевну я только подозреваю, но что господин Бургмейер желает с ней сойтись, на это уж я имею положительные и неопровержимые доказательства.

Мирович. Он может желать, сколько ему угодно, это ему никто не мешает.

Евгения Николаевна. Но он, по видимому, кроме желания, имеет полную надежду привести это в исполнение... Первое его намерение было удалить вас куда-нибудь подальше отсюда. Для этого он упросил компанию «Беллы» сделать вам предложение ехать в Америку. Вы, я знаю, получили такое приглашение?

Мирович молчит.

(Продолжая.) Но вы, как я слышала, были так умны и проницательны, что поняли ловушку и отказались от этого прекрасного предложения; тогда господин Бургмейер решился употребить против вас более верное средство... Муж мой теперь налицо и может подтвердить то, что я вам говорю... Он велел

ему скупить какое-то взыскание на вас, по которому ежели вы не заплатите Бургмейеру, то он поручил мужу посадить вас в тюрьму, и тогда уж, конечно, Клеопатре Сергеевне очень удобно будет возвратиться к супругу своему.

Мирович *(со вспыхнувшим лицом)*. Что господин Бургмейер готов мне сделать всевозможное зло, я никогда в этом не сомневался.

Евгения Николаевна. Н-ну! Может быть, тут и не один Бургмейер виноват... Я, собственно, затем и приехала, чтобы повторить вам несколько раз: «Остерегитесь и остерегитесь!..» *(Обращаясь к мужу.)* Но скоро ли же будут взыскивать с господина Мировича?

Руфин. Скоро! Господин Бургмейер приказал спешить мне... Исполнительный лист выдан судом! Сегодня или завтра по нем станут взыскивать!

Евгения Николаевна. Уже!.. *(Мировичу.)* Поэтому сегодня или завтра вы окончательно убедитесь...

Явление IV

Входит кухарка.

Кухарка. Барин!.. Барыня воротилась и спрашивает, кто у тебя в гостях сидит?

Мирович. Скажи, что Евгения Николаевна... или, впрочем, ты перевернешь?

Кухарка. Переверну, барин!

Мирович. Подожди, я тебе напишу, и ты отдашь это барыне! *(Пишет на клочке бумаги и подает его кухарке, которая по-прежнему нетвердой, но заметно остерегающейся походкой уходит и на этот раз прямо уже попадает в дверь.)*

Евгения Николаевна *(вставая)*. Мы, однако, позасиделись! Клеопатре Сергеевне, вероятно, не будет большого удовольствия видеть меня... *(Мужу.)* Поедем.

Тот сейчас же поднялся на ноги.

(Мировичу.) До свидания, Вячеслав Михайлыч! Дайте мне по крайней мере на прощанье вашу руку!

Мирович *(не подавая ей руки)*. Нет-с, извините вы меня: я клеветникам и клеветницам не подаю моей руки.

Евгения Николаевна (*усмехаясь*). А вы все еще считаете нас клеветниками! Увидите сами потом.

Уходит вместе с мужем.

Явление V

Мирович (*оставшись было один, начинает говорить*). Еще новые радости!.. Час от часу не легче!

Но в это время из внутренней комнаты показывается Клеопатра Сергеевна. Она в черном шелковом, но почти худом платье.

Клеопатра Сергеевна. Ушли твои гости?

Мирович. Ушли!

Клеопатра Сергеевна. Но кто такая Евгения Николаевна Руфина?.. Жени, что ли?

Мирович. Жени!

Клеопатра Сергеевна. Но почему же она Руфина?

Мирович. Потому что на днях вышла замуж за управляющего господина Бургмейера – Руфина.

Клеопатра Сергеевна. Вот новость!.. (*Подходит и садится на диван. Она заметно утомлена.*) Но зачем же к нам она пожалова-

ла? Я вовсе не желаю ее видеть.

Мирович. Она не к тебе и приезжала, а ко мне.

Клеопатра Сергеевна. А к тебе зачем?

Мирович. С новостями разными... *(Всматриваясь в Клеопатру Сергеевну.)* Но что такое с тобой, Клеопаша? Посмотри: у тебя все платье в грязи... Лицо в каких-то красных пятнах... Волосы не причесаны...

Клеопатра Сергеевна *(сначала было слегка усмехаясь).* Я устала очень!.. Пешком пришла из города... Жалко было денег на извозчика, да к тому же рассердилась... *(Помолчав немного и с наворачнувшимися слезами на глазах.)* Госпожа, которой относил я платье, ни копейки мне не заплатила.

Мирович. Это отчего?

Клеопатра Сергеевна *(совсем сквозь слезы).* Говорит, что я испортила ей платье, что она будет отдавать его переделывать и прикупит еще материи, а потому я даже ей останусь должна, а не она мне... *(Закрывает лицо платком, чтобы скрыть окончательно полившиеся слезы.)*

Мирович. Но слезы-то такие о чем же?..

Из-за таких пустяков! Как тебе не стыдно, Клеопаша!.. На, выпей лучше воды!.. *(Наливает стакан и подает его Клеопатре Сергеевне.)*

Клеопатра Сергеевна *(отталкивая стакан и капризным голосом)*. Не надо!.. Отвяжись!..

Мирович, видимо, этим оскорбленный, отошел от Клеопатры Сергеевны, поставил стакан на стол и сел заниматься.

Клеопатра Сергеевна *(продолжая плакать)*. Дура этакая!.. Скупая!.. Жадная!.. Всякую бедную готова обсчитать.

Мирович *(не оставляя своей работы и с некоторой как бы ядовитостью)*. Но, может быть, ты и в самом деле дурно сшила.

Клеопатра Сергеевна. Хорошо я сшила!.. Она придралась только так...

Мирович *(опять как бы с ядовитостью)*. Ну не думаю, чтоб очень уж хорошо...

Клеопатра Сергеевна. Почему ж ты не думаешь?..

Мирович. Потому что все русские женщины, кажется, не совсем хорошо умеют шить, особенно вы, барыни.

Клеопатра Сергеевна. Вы, мужчины, луч-

ше!

Мирович. Мужчины все словно бы подаро-
витей немного и потолковей.

Клеопатра Сергеевна *(рассердясь)*. Ужасно
как толковы! И что это за страсть у тебя, Вяче-
слав, в каждом разговоре подставить мне
шпильку и стороной этак намекнуть мне, что
я глупа и делать ничего не умею.

Мирович. Когда ж я это говорил?

Клеопатра Сергеевна. Ты всегда это хо-
чешь сказать и разными доводами убедить
меня в том!.. Но я тебе несколько раз говори-
ла, что я очень самолюбива и если увижу, что
человек меня не уважает, смеется надо мной,
я не знаю на что готова решиться.

Мирович. Бога ради, не развивай по край-
ней мере далее этих сцен!.. У нас есть очень
многое более серьезное, о чем мы можем бе-
седовать и горевать...

Клеопатра Сергеевна. Не знаю: для меня
это очень серьезное, и что же еще для нас мо-
жет быть серьезнее этого?

Мирович. Да хоть бы то, что вот сейчас
твоя бывшая приятельница, Евгения Никола-
евна, рассказывала мне.

Клеопатра Сергеевна. Что такое она могла рассказывать тебе?

Мирович. Уверяла, что вся эта история, которую про нее повествует Куницын, ложь совершенная и что будто бы даже ты все это выдумала и научила Куницына...

Клеопатра Сергеевна. Я?.. Ах, она дрянь такая. Очень мне нужно что-нибудь про нее выдумывать, я и про существование ее совсем забыла.

Мирович. Потом она меня предостерегала, что муж твой очень желает опять с тобой сойтись и для того, чтобы разлучить меня с тобой, велел даже скупить одно мое обязательство и засадить меня за него в тюрьму.

Клеопатра Сергеевна *(побледнев)*. Тебя... В тюрьму?

Мирович. Да!..

Клеопатра Сергеевна *(все еще как бы желая не верить тому, что слышит)*. Вот уж про нее это можно оказать, что она сама тут все навывдумывала...

Мирович. Почему ж навывдумывала? От твоего супруга всего можно ожидать.

Клеопатра Сергеевна. Но надолго ли же

Он может тебя посадить?

Мирович. Пока я денег не заплачу!

Клеопатра Сергеевна. Но заплатить ты не можешь никогда, потому что у тебя нет денег.

Мирович (*насмешливо*). Денег нет!

Клеопатра Сергеевна. Ну, нет-с!.. Это извините!.. Я мужу не позволю этого сделать.

Мирович. Но каким же способом, желал бы я знать, ты ему не позволишь?

Клеопатра Сергеевна. Так!.. Не позволю!.. (*Встает и начинает ходить по комнате.*) Ты эти деньги занял и прожил на меня, а потому мой муж и должен их заплатить: я все-таки его жена.

Мирович (*разводя руками и усмехаясь*). Совершенно женская логика и даже женская нравственность: любовник женщины прожил на нее деньги, и потому муж ее должен заплатить их!

Клеопатра Сергеевна (*с возрастающим жаром*). Должен!.. Да!.. Он заел у меня молодость, всю жизнь мою, и это уж не твое дело, а мое: пусть будет моя логика и моя нравственность! (*Подумав немного.*) Все это, конечно, пустяки!.. Я не допущу этому быть! Для

меня гораздо важнее тут другое! *(Вдруг останавливается.)* А теперь, пожалуйста, дай мне воды!.. Я чувствую, что мне в самом деле что-то очень нехорошо делается!.. *(Показывает себе на горло.)*

Мирович подает ей воды.

Клеопатра Сергеевна *(жадно выпивает целый стакан)*. Ну и поцелуй меня поласковой, знаешь, как в первое время нашей любви ты меня целовал.

Мирович обнимает ее; она сама его страстно целует, а потом как бы отталкивает его.

Довольно!.. Садись на свое место!.. Я тоже сяду: у меня ноги подгибаются... *(Опускается на диван.)*

Мирович также садится. Заметно, что он заранее предчувствует несколько щекотливое для него объяснение.

Клеопатра Сергеевна *(в каком-то трепетном волнении)*. Послушай, я давно хотела тебя спросить, но все как-то страшно было: вопрос уж очень важный для меня!.. Скажи!.. Но только, смотри, говори откровенно, как говорил бы ты перед богом и своей совестью!.. Говори, наконец, подумавши и не вдруг!.. Ска-

жи: любишь ли ты меня хоть сколько-нибудь или совсем разлюбил?.. По твоему обращению со мной я скорей могу думать, что ты совсем меня разлюбил или даже почти ненавидишь.

Мирович (*нахмуриваясь*). Клеопаша!..

Клеопатра Сергеевна (*настойчиво*). Нет, ты говори мне всю правду, совершенную.

Мирович (*понутив голову*). Как мне сказать тебе правду?.. Определить тебе решительно, разлюбил ли я тебя или нет, я не могу, потому что это для меня самого тайна. Я одно только совершенно ясно сознаю, что мужчине при благоприятных даже условиях жизни, когда ему не нужно ни заботиться, ни трудиться, сидеть все время около женщины и заниматься только ее любовью и ласками с ней невозможно!.. Это унизительно почти и позорно!

Клеопатра Сергеевна (*глухим голосом*). Так!.. Совершенно верно!

Мирович (*продолжает*). Но когда еще при этом окружает нужда, когда знаешь, что надо заработать кусок хлеба для себя и этой несчастной женщины, а работы в то же время

нет, то это пребывание исключительно в одной области любви есть пытка! Пытка, слагающаяся из каждоминутных угрызений совести, скуки... презрения к самому себе... досады, если ты хочешь, доходящей, пожалуй, и до ненависти!

Клеопатра Сергеевна (*вспыхнув в лице*). Это я предчувствовала и в то же время совершенно понимаю и довольна этим!.. В тебе я вижу опять настоящего мужчину, который хочет идти приличным ему путем; но отчего ж ты, друг мой, после этого не хочешь решительно и настойчиво искать себе место?.. Не здесь, наконец, а куда-нибудь в отъезд, в провинцию! Находят же люди места!

Мирович (*с презрительной усмешкой*). Вот мне дает место компания «Беллы». В Америку только ехать – не угодно ли?

Клеопатра Сергеевна. Отчего тебе и не ехать в Америку?

Мирович (*насмешливо*). Очень уж далеко!.. Господин супруг твой изобрел для меня это путешествие; по его инициативе делают мне это предложение, а потому никак нельзя ожидать, чтобы оно было благоприятно и выгод-

но для меня! Кроме того, он, наверняка, кажется, рассчитал, что, уезжая за такую даль и имея впереди столько случайностей, я никак не могу тебя взять с собой.

Клеопатра Сергеевна (*тем же глухим голосом*). Меня тебе брать и не для чего.

Мирович. Но как же мне тебя здесь оставить? Не говоря о разлуке, которой и конца не предвидится, я в этом случае прямо должен буду обречь тебя на бедность.

Клеопатра Сергеевна (*как бы соображая что-то такое*). Почему же на бедность?

Мирович. Потому что от себя я ничего не могу тебе уделить: мне назначают очень маленькое жалованье; но если ты надеешься на работу свою, так ты ошибаешься: работать ты не можешь даже по здоровью твоему, и что тебе тогда останется?.. (*С саркастической усмешкой.*) Разве возвратиться опять к мужу?

Клеопатра Сергеевна (*тяжело переводя дыхание*). А если бы и то даже?

Мирович (*побледнев*). Ну, это, знаешь, ужаснее всего для меня было! Это заставило бы меня потерять к тебе всякое уважение.

Клеопатра Сергеевна (*огорченным, но*

вместе с тем и твердым голосом). За что? За что, скажи мне на милость, ты потерял бы уважение ко мне?.. Ты, я вижу, Вячеслав, в самом деле ко мне какой-то жестокий и немилосердный эгоист!.. Ты меня разлюбил!.. Я тебе в тягость нравственно и материально, и ты требуешь, чтоб я, как деревяшка какая-нибудь, ничего бы этого не понимала и продолжала тебя обременять собой. А что я к мужу опять уйду, что ж для тебя такого? Я не любовника нового сыщу себе!

Мирович. Но последнее было бы для меня менее унижительно!.. Тогда значит только, что ты встретила человека лучше, чем я, а таких на свете много; но, сходясь с мужем, ты как бы снова оцениваешь и начинаешь любить заведомо дрянь-человечишку, который весь состоит из жадности и вместе какой-то внешней расточительности, смирения пред тем, кто сильнее его, и почти зверства против подчиненных; человека, вечно жалующегося на плутни других в отношении его, тогда как сам готов каждомигунто обмануть всякого – словом, квинтэссенцию купца.

Клеопатра Сергеевна (*отрицательно ка-*

чая головой). Нет, Бургмейер не таков! И потом, неужели купец не может быть хорошим и честным человеком?

Мирович. Нет, не может!.. Знаешь ли ты, что такое купец в человеческом обществе?.. Это паразит и заедатель денег работника и потребителя.

Клеопатра Сергеевна. Но нельзя же обществу быть совсем без купцов. Они тоже пользу приносят.

Мирович. Никакой! Все усилия теперь лучших и честных умов направлены на то, чтобы купцов не было и чтоб отнять у капитала всякую силу! Для этих господ скоро придет их час, и с ними, вероятно, рассчитаются еще почище, чем некогда рассчитались с феодальными дворянами.

Клеопатра Сергеевна. По-твоему, значит, все уж купцы, без исключения, дурные люди?

Мирович (*пожимая плечами*). Между теми из них, которые по рождению своему торгуют, может быть, еще найдется несколько порядочных человек, так как очень возможно, что сила обстоятельств склоняла их к тому; но ведь супруг ваш по личному вкусу избрал

себе ремесло это! Душой, так сказать, стремился плутовать и паразитствовать, и если ты его предпочитаешь мне, чем же я, после того, явлюсь в глазах твоих? Дрянью, которой уж имени нет, и ты не только что разлюбить, но презирать меня должна!

Клеопатра Сергеевна. Разлюбила ли я тебя, Вячеслав, или нет, – это я не знаю, а если ты не видишь того, так бог тебе судья за то!.. И тоже знаю, что любовью моею я наделала тебе много зла; но пора же и опомниться: теперь я не прежняя глупенькая мечтательница. Впрочем, довольно, я утомилась очень!.. Я столько сегодня пережила!.. Поди, дай мне еще поцеловать тебя!..

Мирович подходит к ней, обнимает ее; она его страстно целует.

А теперь я пойду лягу! Мне что-то очень уж нездоровится... *(Уходит.)*

Явление VI

Мирович *(один)*. Несчастные, несчастные мы с нею существа!.. И что тут делать, как быть? Хорошо разным мудрецам, удивлявшим мир своим умом, силой воли, характера, решать великие вопросы... Там люди с их индивидуальностью – тьфу! Их переставляют, как шашки: пусть себе каждый из них летит и кувыркается, куда ему угодно. Нет, вот тут бы пришли они и рассудили, как разрубить этот маленький, житейский гордиев узел!

Слышится звонкий голос и смех.

(Прислушиваясь.) Что это, никак Куницын?

Явление VII

Входит действительно Куницын.

Куницын (*разводя словно в удивлении руками*). Какой случай, какой случай! – как говорят в водевилях.

Мирович. Что такое?

Куницын (*повторяя свое*). Какой случай!.. Какой случай! Но погоди, наперед надо произвести уплату!.. Танюшка, а Танюшка, милая моя кухарочка!

Уходит в ту дверь, из которой появлялась кухарка.

Мирович (*с досадой*). Вот уж не в пору гость!

Куницын (*возвращаясь*). Никого!.. Пуста кровать! Девочка одна только сидит!

Мирович. Но где ж Татьяна?

Куницын. Девочка говорит, что ее барыня услала в Москву с письмом.

Мирович (*в недоумении*). Как в Москву с письмом? Зачем?

Куницын. Не знаю! Врет, вероятно: престная Танечка просто, я думаю, в кабак убежала! Начинаю, впрочем, мой рассказ: въехав

в парк, я захотел попоходить пешком. Голова очень трещала: пьян вчера сильно был, и у самой церкви, нос к носу, сталкиваюсь с Евгенией Николаевной. В первый раз еще мы с ней встретились после роковой разлуки! Идет какой-то, батюшка, парижанкой... Экипаж отличнейший около нее едет... Оказывается, что супруг даже при ней есть, этот бургмейеровский жидок!.. Как увидела меня Евгения Николаевна, так сейчас и вцепилась и разругала меня, я тебе скажу, почти непристойными словами!.. Я ее таковыми же. Супруг было ее тут вступился... Я погрозил оному палкой... Не сойдясь таким образом в наших убеждениях, мы разошлись, и вдруг у ворот уж твоей дачи зрю: помнишь ты этого Хворостова, что еще с первого курса вышел, по непонятию энциклопедии правоведения, и которого, по случаю сходства его физиономии с мускулюс глутеус, обыкновенно все мы называли: «господин Глутеус». Он здесь, изволите видеть, судебным приставом служит... «Здравствуйте, говорю, господин Глутеус! Куда это вы путь ваш держите?» – «Что, говорит, ты бранишься все...» Знаешь, с этими надутыми щеками

своими и глупой харей шепелявит. «Я, говорит, иду по службе!» – «Ну, пошлют ли, говорю, тебя, Глютка, куда-нибудь по службе! Что ты врешь!» Еще более обозлился. «Где, говорит, я вру: я иду к Мировичу деньги с него взыскивать, две тысячи рублей!» – «Что ты брешешь, говорю, показывай сейчас, какие это деньги?» Подал он мне бумагу; в самом деле взыскание. Я думаю: у парня ни копейки нет; чего доброго, в тюрьму потянут. Хвать себя за бумажник: хорошо, черт возьми, что у меня-то на этот раз деньги случились... Сунул я этому дуралею в руку две тысячи целковых, завел его в лавочку, взял с него расписку и, выведя опять на тротуар, будто шутя, повернул его и трах в шею, так что он носом почти у меня в грязь ткнулся. Заругался, заплевался. «Ничего, говорю, подлец, лайся! Не станешь вперед ходить со старого товарища деньги взыскивать!» И вот тебе оная расписка! *(Кладет с торжеством расписку на стол.)*

Мирович *(сгоревший при этом рассказе приятеля со стыда и беря его потом за руку).* Благодарю тебя, добрый друг, но, право, мне совестно... Зачем и для чего ты это сделал?

Наконец, где ты взял денег, и какие у тебя могут быть лишние две тысячи целковых?

Куницын *(наивно)*. Деньги эти у меня, брат, бургмейеровские. Помнишь, он обещался меня поблагодарить, если слова мои оправдаются; а сегодня поутру вдруг подают мне пакет, с виду ничего особенного не обещающий; распечатываю его... Вижу: деньги!.. Пересчитал – две тысячи рублей и коротенькая записочка, что это от господина Бургмейера, – кратко, деликатно и благородно!

Мирович *(почти в ужасе отступая от приятеля)*. И ты мой долг заплатил бургмейеровскими деньгами?.. Послушай, Куницын, у тебя действительно, видно, нет в голове никакого различия между честным и бесчестным. Как тебе самому-то не совестно было принять эти деньги от Бургмейера, потому что ты этим теперь явно показал, что продал ему любившую тебя женщину, и ты еще платишь этими деньгами за меня, любовника жены Бургмейера. Понимаешь ли ты, какое тут сплетение всевозможных гадостей и мерзостей? Наконец, ты меня ставишь в совершенно безвыходное положение. Я должен теперь

бежать кланяться всем в ноги, чтобы мне дали две тысячи рублей, которые я мог бы швырнуть господину Бургмейеру назад! Но кто ж мне поверит такую сумму? Это жестоко, бесчеловечно с твоей стороны, Куницын! Если ты сам не понимаешь, так спросил бы прежде меня: нельзя же честью другого так распоряжаться.

Куницын (*совершенно опешенный и почесывая голову*). Да, это так! Теперь я сам вижу, что тут есть маленькая неловкость. А вначале мне казалось, что я приятное для тебя делаю: все-таки человека не посадят в тюрьму!

Мирович. Что ж такое в тюрьму? Меня не за преступление посадили бы в тюрьму, и в этом случае гораздо бы меньше было уязвлено мое самолюбие, чем теперь.

Куницын (*почти сквозь слезы*). Понимаю я!.. Извини, брат! Ей-богу, я не ожидал, что так тебя огорчу этим. Но погоди!.. Это поправить можно. На днях у меня еще получка будет, только по совершенно уже частному делу: свое последнее именъишко жеганул побоку – не хочу быть проприетером, и от меня бы ведь ты, конечно, принял деньги, чтобы за-

платить там какому-нибудь дьяволу долготвой, иначе я рассорился бы с тобой навек. Ergo[3]: как только я получу эти деньги, немедля же отправлю к господину Бургмейеру его две тысячи целковых и напишу ему: «Merci, я бабьим мясом не торгую!» – и ты тогда, выходит, мне уж должен будешь.

Мирович (*снова растроганный*). Благодарю... Я в дружбе твоей, конечно, никогда не сомневался, но только на средства являть эту дружбу ты неразборчив.

Куницын. Что делать, братец, очень уж я нанюхался роз-то российских. Там-сям нюхнешь мошенников-то, смотришь, и сам сбрендил!.. Кто это точно стучится?.. (*Прислушиваясь*.) Так и есть... (*Поет*.) «Отперите, отперите!» – как пела у нас Рехт. (*Мировичу*.) Отворить, что ли?

Мирович. Отвори.

Куницын (*отворяя дверь и с удивлением на лице*). Господин Бургмейер.

Мирович (*тоже восклицая*). Бургмейер!

Явление VIII

Входит Бургмейер.

Бургмейер (*с потупленной головой и не обращаясь, собственно, ни к кому*). Могу я видеть Клеопатру Сергеевну?

Мирович (*гордо встряхивая пред ним своими кудрями*). Нет-с, не можете.

Бургмейер. Она сама прислала ко мне свою женщину и просила меня, чтоб я к ней приехал.

Мирович (*вспыхивая в лице*). Клеопатра Сергеевна присылала к вам?

Бургмейер. Да, вот ее записка... Тут вышло некоторое недоразумение: я велел управляющему своему скупить одно ваше обязательство с тем, чтоб уничтожить его; а он не понял меня и подал это обязательство ко взысканию.

Мирович (*смеясь ему в лицо*). Какой, однако, у вас непонятливый управляющий! Зачем же вы держите его?

Бургмейер (*потупляясь*). Я уже отказал ему и теперь, собственно, приехал затем, чтоб уничтожить это его распоряжение.

Мирович. Напрасно в этом случае беспокоились: взыскание это уже оплачено.

Бургмейер (*еще более смутившись*). Очень жаль, что не поспел поправить этой ошибки... Но я все-таки просил бы позволения видеть Клеопатру Сергеевну, потому что я и о другом еще желаю с ней переговорить.

Мирович. Клеопатра Сергеевна больна и, вероятно, не примет вас.

Бургмейер. Но она ж сейчас сама писала мне записку.

Мирович. Когда писала, то была здорова, а теперь сделалась больна.

Бургмейер. Муж, полагаю, и больную даже жену свою, лежащую в постели, может видеть.

Мирович. Муж?.. Да!.. Но вы, кажется, немножко утратили это право. Вы забыли, что я вам за эту женщину спас ваши миллионы и приплатил еще к тому более, чем собственной кровью, приплатил моей честью; а потому я вас не считаю мужем Клеопатры Сергеевны.

Бургмейер. Вы можете считать или не считать меня мужем, но закон еще пока не

лишает меня этого права.

Мирович. А, да, вот что-с! Вы на закон опираетесь? В таком случае убирайтесь, откуда пришли, и приходите сюда с полицией, а иначе я вас в подворотню мою заглянуть не пущу.

Бургмейер (*подняв, наконец, голову*). Вячеслав Михайлыч, видит бог, я пришел к вам не ссориться, а хоть сколько-нибудь улучшить участь моей бедной жены. Я отовсюду слышу, что она очень расстроила свое здоровье, а между тем по средствам своим не может пригласить к себе доктора; у ней нет даже сухого, теплого угла и приличной диетической пищи; помочь мне ей в этом случае, я думаю, никто в мире не может запретить.

Мирович. Да-с, никто, кроме самой Клеопатры Сергеевны.

Бургмейер. Но и она, я надеюсь, не воспретит мне этого.

Мирович. Если не воспретит, – это ее дело, но я лично не желаю быть передатчиком ей ваших благодеяний, а тем более разделять их с ней.

Бургмейер. Об вас и об вашем положении

я знаю, что никакого права не имею ни думать, ни заботиться.

Мирович. То-то, к несчастью, вы очень заботитесь и думаете обо мне: вы были так добры, что приискали даже мне место в компании «Беллы», чтобы спровадить таким образом меня в Америку. Управляющий ваш по ошибке хлопочет засадить меня в тюрьму и устроить там мне бесплатное помещение; на это я вам, милостивый государь, скажу, что порядочные люди подобных подлых путей не избирают, и если возвращают себе жен, так пулей или шпагой.

Бургмейер. Я слишком стар и слишком явно для меня, что я тут проиграю, чтобы прибегать мне к подобным средствам.

Мирович *(засмеясь)*. Вы, я думаю, давно уже для всяких благородных средств были стары!.. Давно... с детства даже...

Бургмейер *(вспыхнув, наконец)*. Господин Мирович!

Мирович. Что Мирович?.. Обижайтесь!.. Оскорбляйтесь! Я с открытым забралом и без щита готов принять ваш вызов.

Явление IX

Входит Клеопатра Сергеевна.

Клеопатра Сергеевна (прямо обращаясь к Бургмейеру и протягивая ему руку). Здравствуйте, Бургмейер, благодарю вас, что вы приехали ко мне. Извините, что я долго заставила вас ожидать себя.

Мирович (едва сдерживаемым голосом говорит Клеопатре Сергеевне). Болезнь ваша, значит, кончилась уже?

Клеопатра Сергеевна (скороговоркой). Кончилась... (Снова обращаясь к Бургмейеру.) Я бы прежде всего просила вас, Александр Григорьич, заплатить две тысячи долгу по взысканию на нас.

Бургмейер. Но они, я слышал, заплачены уже.

Клеопатра Сергеевна (с удивлением). Кто ж их заплатил?

Куницын (краснея в лице, робко взглядывая на Мировича и не решаясь, говорить ли ему или нет). Я-с это.

Бургмейер (обрадованный этим признанием и берясь за свой бумажник). Если вы, то

позвольте мне сейчас же заплатить их вам.

Куницын (*останавливая его*). Атанде-с немного! У нас, и кроме этого, есть еще с вами счеты; мы поговорим потом.

Клеопатра Сергеевна. Отчего же, Куницын, вы не хотите взять ваши деньги?

Куницын (*опять краснея*). Сделайте милость, прошу вас, извольте заниматься вашим разговором и не беспокойтесь обо мне.

Бургмейер (*опять относясь к Клеопатре Сергеевне и очень нерешительным голосом*). Вы, кроме этого долга, Клеопатра Сергеевна, не имеете ли еще в чем нужды?

Клеопатра Сергеевна (*перебивая его*). Нет... что ж... Особенной нет. Но я желала бы, Александр Григорьич, попросить вас о гораздо большем: теперь я очень хорошо сама сознаю, сколько виновата перед вами. Я тогда... за одно неосторожное ваше слово... чувству моему, которое следовало бы задушить в себе... я позволила развиться до безумия, и безумием этим я погубила было того человека, которому больше всех на свете желала счастья. Дайте мне, Александр Григорьич, возможность поправить это, возьмите меня опять к

себе – не женой!.. Нет... зачем же это... Но я буду вашим другом... дочерью... сестрою... а Миновичу дайте еще лететь в жизнь: мы связываем ему только крылья.

Мирович (*бледный, как мертвец, и потирая себе руки*). Евгения Николаевна, видно, вполне справедливо мне говорила о вашем давнишнем намерении сойтись с вашим супругом!

Клеопатра Сергеевна (*опять скороговоркой*). Да, она все справедливо обо мне говорила... (*Бургмейеру.*) Вы берете меня?

Бургмейер. Клеопатра Сергеевна, разве вы могли сомневаться в этом? Я все готов исполнить, что вы желаете, и сочту за счастье для себя, что около меня будет жить хоть сколько-нибудь жалеющее меня существо, а не люди, готовые отнять у меня почти жизнь!

Клеопатра Сергеевна (*с усилием над собой подходя к Мировичу*). Прощайте, Вячеслав, не сердитесь на меня и не проклинаяте очень, и если будете вспоминать меня, то знайте: мы, женщины, тоже имеем свое честолюбие, и когда женщина кого истинно любит, так ей все не нужно, чтоб этот человек вечно сидел

около нее и чтобы вечно видеть его ласки. Напротив. Для нее всего дороже, чтоб он был спокоен и доволен, где бы он ни жил – вместе или врозь с нею!

Мирович (*настойчиво и с твердостью*). Полноте, Клеопатра Сергеевна, казуистикой ни себя нельзя ни в чем убедить, ни другим ничего доказать! Образумьтесь лучше и поймите хорошенько: на что вы решаетесь?

Клеопатра Сергеевна (*потупляясь*). Я решаюсь на то, что говорит мне моя совесть! (*Как-то торопливо относясь к Куницыну.*) Вы, Куницын, были всегда так добры ко мне... Я вам очень благодарна, и, пожалуйста, возьмите у мужа деньги!

Куницын (*опять вспыхнув*). После-с, после мы об этом потолкуем!

Клеопатра Сергеевна (*взглядывает еще раз на Мировича и идет к дверям, но потом схватывает вдруг себя обеими руками за грудь и восклицает*). Господи, что же это я делаю!.. (*И затем в каком-то почти иступлении вскрикивает.*) Александр Григорьич, уведите меня отсюда, поскорее уведите!

Бургмейер поспешно подает ей руку и вме-

сте с Куницыным уводит ее.

Мирович (делая сначала движение как бы идти за ними, но тотчас же и останавливаясь). Зачем? Для чего? Роман как следует прошел уже по всем своим темпам: было сначала сильное увлечение... Любовь!.. Но натянутые струны поослабли и перестали издавать чарующие звуки, а тут еще почти неотразимые удары извне, и разлука неизбежна!

Возвращается Куницын; он какой-то опешенный.

Куницын (выходя прямо на авансцену). Вот уже именно словами Шекспира могу сказать: «Сердце мое никогда не знало жалости, но, рассказывая эту грустную повесть, я буду рыдать и плакать, как черноликий Клиффорд!»

Мирович (обращаясь к нему и каким-то задыхающимся голосом). Что там такое еще происходило?

Куницын (сверх обыкновения с чувством). Это ужасно что такое! Клеопатра Сергеевна удержаться, главное, никак не может: рыдает на всю улицу, да и баста!.. Дурак этот Бургмейеришка тоже растерялся совершенно! Тут оставаться, видит, срам, а везти боится – хуже

обеспокоишь! Так что уж я даже закричал ему: везите, говорю, ее; может быть, лучше потрясет!

Мирович (с каким-то искривленным ртом). Сама пожелала того и выбрала!

Куницын. Нет, братец, нет, как хочешь, ты тут во всем виноват!.. Каким же образом женщину, привыкшую к довольству, держать в такой конуре и кормить протухлой колбасой и картофелем! Это какая хочешь уйдет – не выдержит. Я тебе всегда говорил, что деньги нынче все значат! Ну, если их нет, а они надобны, так украдь их, черт возьми! Поверь, что на деле моя философия всегда твоей верней будет!

Мирович (уже с гневом). Ты дурак после этого совершеннейший, если не понимаешь того, что я слишком сегодня несчастлив и слишком страдаю, чтоб издеваться надо мной и делать наставления мне...

Куницын. Не стану, не стану, бог с тобой! В Америку едешь?

Мирович. Еду.

Куницын. Когда?.. Скоро?

Мирович. Послезавтра, вероятно.

Куницын. Ну, приду на чугунку проводить!.. Прощай! *(И, не смея подойти проститься с приятелем, уходит.)*

Явление X

Мирович *(один и взмахивая как-то решительно головой).* Прими, Ваал, еще две новые жертвы! Мучь и терзай их сердца и души, кровожадный бог, в своих огненных когтях! Скоро тебе все поклонятся в этот век без идеалов, без чаяний и надежд, век медных рублей и фальшивых бумаг!

Занавес падает.

Примечания

Впервые драма напечатана в журнале «Русский вестник», 1873, No 4 (апрель).

Над этой пьесой Писемский работал, по-видимому, в первые месяцы 1873 года. В первой половине марта этого года она была уже закончена, и Писемский решил представить ее вместе с комедией «Подкопы» («Хищники») на соискание Уваровской премии. С этой целью он обратился за содействием к академику А.В.Никитенко. В письме к нему от 16 марта 1873 года он так характеризовал тему этой драмы: «...кроме «Подкопов» я написал еще новую пьесу «Ваал». Из самого заглавия вы уже, конечно, усматриваете, что в пьесе этой затронут вряд ли не главнейший мотив в жизни современного общества: все ныне поклоняются Ваалу, – этому богу денег и материальных преуспеваний, и который, как некогда греческая Судьба, тяготеет над миром и все заранее предрекает!.. Под гнетом его люди совершают мерзости и великие дела, страдают и торжествуют».[4]

Никитенко дал пространный и весьма бла-

гоприятный отзыв о «Ваале», отметив прежде всего важность и злободневность его темы, типичность выведенных характеров, «...со стороны характеров, – писал он, – пьеса г. Писемского отличается замечательным достоинством. Все они верны текущей действительности, которую автор имел в виду... Притом лица, выведенные автором на сцену, не олицетворения каких-нибудь понятий, а живые действующие лица... Архитектоническая сторона пьесы представляет стройное, хорошо сложенное целое. Нет растянутости, столь обыкновенной во многих из наших литературных произведений, ничего, что не относилось бы к основной идее»[5]. Однако академическая комиссия не признала пьесу достойной премии.

Первое представление «Ваала» состоялось 12 октября 1873 года на сцене Петербургского Александринского театра в бенефис Н.Ф.Сазонова. Спектакль этот вызвал многочисленные и крайне противоречивые отзывы печати. Большинство даже тех рецензентов, которые были явными апологетами буржуазии и никогда не сочувствовали передовой молоде-

жи, обвиняли Писемского в стремлении очернить «молодое поколение». Конечно, главной причиной такого рода отзывов была резкая антибуржуазная направленность пьесы Писемского. Но в то же время нельзя не учитывать и того факта, что сценическое истолкование «Ваала» актерами Александринского театра могло дать повод для таких отзывов. Писемский был невысокого мнения о труппе этого театра. Не доверяя петербургским режиссерам, он всегда стремился принять непосредственное участие в подготовке своих пьес к представлению на Александринской сцене. Так было и на этот раз. Однако ему, очевидно, не удалось сколько-нибудь существенно повлиять на характер актерского исполнения «Ваала». В этом отношении очень ценно свидетельство сына драматурга – Н.А.Писемского. «Что касается до твоей пьесы, – писал он, – то во второй раз она прошла с гораздо большим успехом, чем в первый... но из этого не следует, чтоб актеры играли лучше. Напротив того: они играли хуже, но они играли во вкусе публики Александринского театра. Пожинать лавры на этот раз

пришлось Струйской, Подобедовой и Жиду (то есть исполнителю роли Руфина Ф.А.Федорову. Струйская и Подобедова соответственно исполняли роли Клеопатры Сергеевны и Евгении Николаевны. – М.Е.). Каждая сцена, в кой они участвовали, вызывала шумные и продолжительные рукоплескания. В игре Струйской и Подобедовой не было прежней сдержанности и прежнего старания: они развязались, произносили свои монологи с подчеркиванием наиболее эффектных мест – одним словом, делали все, чтобы угодить грубому и неразвитому вкусу александринской публики, – и достигли своей цели».[6]

На сцене Московского Малого театра «Вал» был впервые представлен 15 ноября 1873 года. В этом спектакле принимали участие И.В.Самарин (Бургмейер), Г.Н.Федотова (Клеопатра Сергеевна), Н.А.Никулина (Евгения Николаевна), М.А.Решимов (Мирович), С.В.Шумский (Куницын), Н.И.Музиль (Руфин), К.Ф.Берг (Самахан). Эти выдающиеся мастера сцены верно почувствовали и сумели донести до зрителя антибуржуазный пафос пьесы, вернув ей таким образом ее подлинный смысл.

Именно поэтому в постановке Малого театра на первом плане оказался образ Клеопатры Сергеевны в истолковании Г.Н.Федотовой, а не третьестепенная фигура Руфина.

Текст драмы печатается по изданию 1874 года.

М. П. Еремин

Примечания

1

Хорошо, сударыня! (*франц.*).

[^^^]

2

Добрый вечер, сударь! (*итал.*).

[^^^]

Следовательно (*лат.*).

[^^^]

А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 252.

[^^^]

А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 702.

[^^^]

А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 571.

[^^^]